

А. В. Дыбо

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТЕКСТА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Здесь мы не обсуждаем проблемы подлинности «Слова» – интересующихся этим можно отослать к недавно вышедшей книге СПИВЛ. Отмечу только, что совершенно точным является наблюдение А. В. Исаченко, сочувственно цитируемое А. А. Зализняком (СПИВЛ 13), согласно которому именно лингвисты никогда не имели сомнений в подлинности и древности «Слова». Будучи лингвистом, не могу не настаивать на том, что лингвистические аргументы в данном случае должны признаваться решающими просто потому, что из занятых в решении таких проблем наук – лингвистики, литературоведения, истории – лингвистика по своему устройству является наиболее близкой к естественным наукам, и ее выводы, соответственно, бывают наиболее проверяемыми.

Я не ставлю также в этой статье цели обзреть хоть в малой степени гигантскую литературу, посвященную особенностям древнерусского языка в «Слове о полку Игореве». Во-первых, это задача не для краткого очерка-комментария, во-вторых, после того, как А. А. Зализняком в конце 70-х годов XX века были по-новому прочитаны новгородские берестяные грамоты, историческая диалектология и историческая грамматика русского языка претерпели глубокие изменения. Это новое прочтение стимулировало в среде специалистов новое отношение к ряду особенностей уже читавшихся до того памятников – так сказать, большее доверие к писцу (хотя, конечно, основы такого отношения уже были заложены в трудах таких ученых как А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново и Л. А. Булаховский). Лингвистическая работа, проделанная ниже, ведется с позиций прежде всего этой новой школы, и в свете установленных ею новых данных.

Публикуя в приложении к своей книге текст «Слова», А. А. Зализняк пишет: «Мы никоим образом не ставим перед собой амбициозной задачи дать некий «наиболее правильный» текст произведения» (СПИВЛ 332). Можно согласиться с оценкой задачи, но понятно, что при этом она остается весьма соблазнительной, в частности, для лингвиста. Как соавторы, мы с А. Ю. Черновым действовали здесь с разных сторон. Повидимому, прояснить его постановку задачи можно следующим образом. Во-первых, предполагается, что существуют (и известны нам) общие для европейской поэзии с начала Средних Веков и до нынешнего времени (в условиях относительно непрерывной традиции), критерии оценки поэтического произведения. Во-вторых, из некоторых вкусовых соображений предполагается, что первоначальный текст «Слова» – хорошее и даже очень хорошее поэтическое произведение. В-третьих, из общих представлений о том, какие личности обычно становятся авторами очень хороших поэтических произведений, предполагается, что автор «Слова» адекватно описывал известные ему исторические события. Исходя из этих посылок и принципа минимальной правки, и сделан ряд конъектур, использованных А. Ю. Черновым в его прозаическом и стихотворном переводах «Слова» и комментариях.

Моя задача ставилась также не на чисто лингвистических предпосылках. Во-первых, не подвергается сомнению подлинность «Слова», следовательно, предполагается существование некоторого протографа, написанного в конце XII – начале XIII вв. н.э. Во-вторых, предполагается, что произведение написано на хорошем языке своего времени и места, т.е. автор не строил грамматически неправильных и просто неуклюжих фраз и не допускал «стилистических ошибок», которые могли бы быть признаны таковыми практически в любом языке, имеющем морфологию. К таковым

могут быть причислены слишком далекие катафорические и анафорические связи, особо сложные случаи синтаксической непроективности, одинаковое поверхностное оформление для нескольких единиц с разными функциями при одном и том же «хозяине» и некоторые другие.¹ Кроме того, исходя из некоторых языковых и орфографических особенностей имеющегося текста, о которых см. ниже, я предполагала, что памятник XII–XIII вв., лежащий в его основе, написан на древнерусском диалекте смоленско-полоцкого типа (к этому диалекту принадлежат ранние смоленские грамоты, известные по изданию Смол., и надпись на кресте Евфросинии Полоцкой (1161 г.), несколько берестяных грамот, вошедших в издание ДНД (новгородская № 246, с.280, смоленская №12, с. 344; смоленская №9/8, смоленская №5/7, с. 466 (поминание), смоленская №2/3, с.521), и рядная Тешаты до 1299 г.). Такая локализация оказалась по некоторым содержательным соображениям наиболее приемлемой и для А. Ю. Чернова. Что касается языковых особенностей текста как светского литературного произведения, оказалось возможным сопоставление его с ранними летописными текстами: это касается количественного соотношения и общих принципов использования собственно древнерусских и церковнославянских языковых черт. Наконец, считается установленным, что рукопись, попавшая к А. И. Мусину-Пушкину, с которой копировались все дошедшие до нас источники – Первоиздание, Ек., выписки А. Ф. Малиновского и выписки Н. М. Карамзина – датировалась XVI веком. Исходя из этого, можно подойти к имеющимся вариантам текста «Слова» как к «слоеному пирогу», и, постепенно снимая слой за слоем языковые и орфографические особенности, которые должны принадлежать иным временам и местам, оставить только то, что могло фигурировать в первоначальном, смоленско-полоцком тексте XII–XIII вв., и от чего у нас нет формального способа отказаться². Таким способом — по большей части — и построен публикуемый текст. Это ни в коем случае не запись звучания первоначального текста «Слова», скорее, попытка реконструкции его графико-орфографического представления с определенными оговариваемыми отступлениями. NB: разделение на стихи и словоразделы введены для удобства понимания текста, а не потому, что мы считаем, что они были в протографе.

Примечание. Что касается возможных синтаксических ограничений поэтического текста, то здесь, конечно, стоит оговорить возможности т.наз. "темного стиля", применявшегося в скандинавской

¹ Слишком далекая анафора получается, например, если в некотором предложении текста сказано: «Петр убил Василия», – затем на протяжении целого абзаца рассказывается о рождении и воспитании Василия, без каких-либо упоминаний Петра, а следующее за этим абзацем предложение начинается со слова *он*, причем подразумевается Петр, а не Василий. Слишком далекая катафора – если в первом предложении сказано: «Он убил Василия», – далее, как в первом примере, а потом говорится про Петра, который и имелся в виду под первым *он*. Синтаксическая непроективность – явление, при котором член предложения, состоящий из нескольких слов, оказывается разорван другим членом предложения, или его частью. В русском предложении, например, допустима такая непроективность: *снег начал медленно, но верно таять*. Здесь сказуемое *начал таять* разорвано обстоятельством *медленно, но верно*. В предложении *снег начал медленно таять, но верно* и сказуемое разорвано куском обстоятельства, и обстоятельство – куском сказуемого, они, так сказать, «переплетены». Это более сложная непроективность, чем в первом случае, и такое предложение кажется нам стилистически сомнительным. Одинаковое оформление двух единиц с разными функциями, зависящих от одного синтаксического «хозяина», получаем, например, в предложении *он годами пил вино бутылками* – два творительных падежа, зависящих от одного и того же сказуемого *пил*, один выражает обстоятельство времени, другой – способа действия. Предложение стилистически сомнительно. Впрочем, например, в латинской поэзии оба последних явления вполне разрешаются (но зато жестко регламентирована структура стиха; см. по этому поводу о «темном стиле» в моем комментарии).

² Ср. предлагающуюся С. П. Обнорским модель с двумя древнерусскими диалектными переписчиками: псковско-новгородским XIII–XIV вв. и новгородским XVI в. Как указывает А. А. Зализняк (СПИВЛ 94–95), эта модель нецелесообразна, поскольку, умножая сущности, проигрывает в объективности. Мы здесь отказываемся от этой модели еще и потому, что С. П. Обнорскому она была необходима, чтобы объяснить ряд отступлений от раннекиевского стандарта, имеющих также ранний характер; теперь, когда мы знаем, что тексты с большим количеством диалектизмов реальны для XII в., необходимость в гипотезе о переписчике XIV в. отпадает.

поэзии и могшего - раз уж мы ничего не знаем о раннедревнерусской поэтической традиции - работать и в древнерусской поэзии. Вполне солидаризуясь с А.Ю. Черновым по вопросу возможности наличия дву- (или более) смысловых метафор, специально затемненных намеков (аналогов скальдических *ofljóst* [«слишком ясное», «двусмыслица»], кеннингов и хейти) и пр. в таком поэтическом тексте как "Слово", я все же усомнюсь в возможности для такого текста серьезных искажений синтаксиса фразы (не перестановок сверхфразовых единств!). А.Ю. Чернов ссылается на прием тмесиса или "переплетения словес", употребительного в скальдической поэзии. Действительно, синтаксические приемы затемнения смысла употребляются в висах, специально рассчитанных на дешифровку (как упоминает О.А.Смирницкая, такой расчет не идет на пользу поэтическому восприятию вис современным читателем). Но остальные принципы организации текста вис делают такую дешифровку вполне возможной для слушателя. Висы, во-первых, основаны на совершенно четком силлабо-тоническом стихе (основной размер, которым сочинено 5/6 скальдической поэзии - дротткветт – 6-сложный размер с тремя ударными слогами в строке, в котором в четных строках используется полная рифма, в нечетных – консонанс; второй размер - чаще всего применяемый в 14 в. - хрюнхент – 8-сложный размер с четырьмя ударными слогами в строке, ритмически приближающийся к 4-стопному хорю). Во-вторых, строфа висы состоит из двух полустроф-хельмингов, каждый хельминг состоит из четырех строк и представляет собой завершённую метрическую единицу не только в синтаксическом, но нередко и в смысловом отношении. Порядок слов внутри предложения в дротткветте достаточно строго фиксирован. Синтагмы с наиболее тесными синтаксическими связями (подлежащее – сказуемое, подлежащее – определение) не часто разрываются скальдами. Элементы этих синтагм помещаются последовательно. и если и разъединяются, то в основном членами того же предложения. Например, в стихах Арнора Скальда Ярлов контактно располагаются 200 из 300 подлежащих и сказуемых, 150 из 250 прилагательных и существительных (D. Edwards. *Clause Arrangement in Scaldic Poetry*. Arkiv för nordisc filologi. 1983. Bd. 98.) Перед сказуемым никогда не находится вставное предложение. Переплетение предложений (*Verschlingung*, см. K. Reichardt. *Studien zu den Skalden des 9. und 10. Jahrhunderts*. S. 73ff.) относится к распределению предложений внутри хельминга и заключается в разъединении двух предложений, члены которых переплетаются друг с другом; при строгом порядке слов и четких границах хельмингов, таким образом, можно рассчитывать, что слушатель сможет "расплести" их. (Справка по скальдической поэзии была любезно предоставлена мне А.Е. Маньковым). Совершенно не так устроено "Слово", в котором отсутствует как четко организованный стих (в стиховом отношении это, все-таки, скорее ритмизованная проза; слоговая организация "Слова", которую реконструирует А.Ю.Чернов, относится к значительно более крупным единицам текста, чем стих или строфа, и ничем не помогает слушателю, когда речь идет о кусках текста, близких по размеру к предложению; нет никаких количественных правил употребления рифм и аллитераций; встречающиеся в нескольких местах равносложные и/или каким-либо образом рифмованные парные строки-фразы резко выделяются на фоне остального текста), так и фиксированный порядок слов. Синтаксис "Слова" в целом подчиняется общим для древнерусских текстов правилам (см. Зал СПИ 44-79), которые оставляют много свободы для расположения отдельных членов предложений. Употребление синтаксических "переплетений" в таком тексте просто не оставляет шансов для нормального читателя (слушателя) распутать их, что, по-моему, все-таки не может быть целью поэта, а значит, сомнительно, чтобы "переплетение" работало здесь как регулярный поэтический прием.

Совместной наша с А.Ю.Черновым работа была в следующем смысле. Все коньектуры, которые А. Ю. Чернов предлагал исходя из текстологических, ритмических и аллитерационных, а также чисто смысловых соображений, я подвергала довольно жесткой лингвистической проверке с точки зрения того, возможно ли предлагаемое написание для текста XII вв., каков мог быть его смысл (соответствует ли он тому, как хочет его толковать А.Ю.Чернов), и не нарушается ли принцип минимальной правки, если принять конкретную коньектуру. Впрочем, если мои возражения ограничивались третьим (не собственно лингвистическим) пунктом, то в большинстве случаев коньектуры допускались в реконструированный текст. Предлагавшиеся мною правки в свою очередь оценивались А. Ю. Черновым с точки зрения их соответствия поэтике и эвфонии и принимались или отвергались по консенсусу. Некоторые из отвергнутых одним из соавторов правок комментируются в примечаниях к переводу «Слова».

Вот как делалась лингвистическая реконструкция текста:

I. Самый верхний слой «ошибок» — то есть, изменений, допущенных при переписывании с некоторого предшествующего текста — опознается (в тех случаях, когда они не чисто случайны) как «ошибки» человека, имевшего представление о стандартном церковно-славянском языке XVIII в. «Так, в рукописи скорее всего вообще не было буквы *i*, не различались *и* и *й*, встречалось, а может быть, даже было

последовательно проведено, написание *ou* и несомненно присутствовали выносные буквы и написания под титлом»³. Снимая этот слой, мы рассчитываем получить из текста издания текст самой погибшей рукописи XVI в., или, во всяком случае, приблизиться к нему. Что касается графического облика текста, некоторые «ошибки» устанавливаются на основании сравнения издания и рукописных источников, а другие очевидны: это различие *и* и *й*, последовательное употребление буквы *i* по правилам гражданской орфографии XVIII в., написание *у*, а не диграфа *ou* (впрочем, в части случаев в погибшей рукописи могла стоять лигатура *ѣ* «ук», но у нас нет средств определить их; исключение – возможно, написание *по добию*, если это ошибка из *по дубио* с потерей хвостиков «ука»). Кроме того, по рукописным выпискам мы знаем (да этого можно было ожидать и теоретически), что в рукописи использовались выносные и подтитловые буквы. В издании их нет, и значит, они либо раскрыты, причем, возможно, иногда ошибочно, либо пропущены – тогда можно ожидать в тексте каких-нибудь несуразностей. Соответственно, в нашей реконструкции эти графические особенности – по сравнению с возможным протографом – устранены, а выносные буквы вставлены в тех случаях, когда это представляется необходимым (грамматическая неправильность, проблемы с переводом и интерпретацией смысла). На самом деле надстрочных знаков в рукописи могло быть гораздо больше, но у нас нет способа установить остальные.

А. А. Зализняк указывает, что вследствие раскрытия титл и выносных букв мы не можем быть уверены ни в одном случае написания глагольных окончаний на *-тъ* и *-ть*, а также творительного падежа ед.ч. на *-мь* и *-мь* (СПИВЛ 33). Тем не менее, с большой степенью уверенности можно утверждать, что в рукописи наблюдалось варьирование этих окончаний. Во-первых, издатель XVIII в. вряд ли мог сам придумать все встречающиеся в издании случаи с «мягкими» *-тъ* и *-мь*, поскольку они не были нормативны для известного ему церковнославянского языка. Следовательно, эти формы унаследованы изданием из рукописи. Во-вторых, для рукописей XVI в. как раз характерно такое варьирование: там обычно встречаются и формы на *-ъ*, и формы на *-ь*. При этом формы на *-ь* соответствуют архаичному древнерусскому состоянию, а также могут отражать состояние местного диалекта. Формы же на *-ъ* могут быть результатом второго южнославянского влияния — а могут, конечно, также отражать диалектную особенность. Но если они беспорядочно варьируют, а у рукописи предполагается более ранний протограф, формы на *-ь* скорее следует возводить именно к этому раннему протографу. Написания *-ь* в таких случаях, как *по былинамь* и *соколовь*, также нельзя относить к неправильному раскрытию титл, поскольку у издателя не было оснований при раскрытии выписывать здесь *-ь* – это не соответствовало никаким известным ему нормам. Значит, они принадлежат рукописи XVI в. (об этом см. ниже).

II. Налицо слой «ошибок», которые по своим историко-диалектологическим характеристикам легче всего определяются как допущенные поздним (XV–XVI вв.) псковским или белорусским переписчиком. Прежде всего это написания *ки*, *ги*, *хи* вместо *кы*, *гы*, *хы*: А. А. Зализняк, основываясь на статистическом распределении их между вариантами результирующего текста и на протяжении текста, показал, что их появление – следствие ошибок, во-первых, копировальщиков и издателей XVIII века, во-вторых, переписчика XV–XVI вв. (СПИВЛ 88-89)⁴. Затем, это ряд написаний *ы* вместо *и*: общерусского позднего типа (*взыдоша*; отвердение *ц* – *сулицы*, *иноходцы*) и

³ См. СПИВЛ, с. 33.

⁴ Хотя, если бы не это специфическое распределение по тексту, можно было бы указать на то, что в южнорусских (украинских) текстах написания *ки*, *ги*, *хи* отмечаются с первой половины XII в.; в западнорусских, т.е. как раз в интересующей нас, что касается протографа, зоне – в договоре Смоленска с Ригой 1229 г. (*княгини*, *лихи*, *латинескимь* и др.); в новгородских пергаменных памятниках – в среднем со второй половины XIII в., в московских грамотах – в XIV в. постоянно (Лекции, 130-131).

диалектного: *на кровати тисовѣ⁵, Ярославнынь гласъ, полунощы* (ср. *на полтыну ржи* в Псковской второй летописи). Отдельно отмечу написания, которые могут свидетельствовать об отвердении *р* (графическая путаница твердых и мягких): *крычатъ тѣлѣгы, хорюговъ, рыскаше* (при *дорискаше*). Традиционно это явление считается указывающим на поздний Псков или белорусские диалекты, но ср. более ранние свидетельства отвердения *р* в новгородских грамотах (ДНД 79–80) – правда, надежно только с XIV в. К тому же периоду может относиться замена *ш* на *щ* в (*аще комоу*) *хотяще* (*пѣснь творити*)⁶ и *повръгоща* в Первоиздании (но *хотяше* и *повръгоша* в Ек.): такие замены появляются с конца XIII в. (Пандекты 1296 г. *бывшихъ, искоущаюше*, Погодинский сборник нач. XV в. *якоже можаше и хотяше*; ср. также Ипат. лет. ст.138, лето 6542: *а имѣния не щадяще ни питья ни ядения не браняше*) и, как принято считать, свидетельствуют о произношении в диалекте писца *щ* не как сочетания *шч*, а как долгого *ши* (см. Лекции 138)⁷; таким образом, это написание может указывать на то же фонетическое явление, что и написание *полунощы*.

По-разному можно относиться к написаниям *-мъ* в творительном и местном падежах единственного числа – часть из них, конечно, как указывалось выше, может быть результатом деятельности издателя по спуску выносных букв, но и в древнем тексте они вполне могли присутствовать. Ср. надпись на кресте Ефросинии Полоцкой, 1161 г.: *въ монастыри своемъ*. Ср. также ДНД 78–79, где показано, что такие написания в новгородских берестяных грамотах появляются не позднее конца XI в. В языковом отношении они могут свидетельствовать об отвердении губных. Л. А. Булаховский («Слово» как источник, 442) таким же образом интерпретирует формы с написанием *ь* вместо *ъ* в других окончаниях с губным: *по былинамъ, человѣкомъ, имь* (дат. множ.), *соколовъ, щитовъ, умь, дивь, велесовъ внуче* (в Ек. таких форм еще больше: *имь* (дат. множ., 2), *княземъ* (дат. множ., 2), *намъ, умь* (2), *похытимъ, подѣлимъ; Ярославъ, Черниговъ, Святславъ, васильковъ*). А. А. Зализняк относит все эти случаи в эффекты второго южнославянского влияния, т.е. в одноеровую орфографию (СПИВЛ 80), но четкая фонетическая позиция таких замен (после губных) говорит в пользу интерпретации Булаховского⁸. Однако ранних случаев мены *ъ* и *ь* при губных, которых нельзя объяснить морфологически (в отличие от окончаний твор. и местн. ед.), не отмечается, они появляются преимущественно в западнорусских памятниках с конца XIV в. (ср. *кровь, любовь* в Ипатьевской летописи); так что можно принять, что все эти случаи принадлежат нашему переписчику XV–XVI вв. (и изгнать их из «реконструкции»).

В рукописи XVI в. уже должно было существовать варьирование записи окончаний существительных, восходящих к праславянскому **-ě*, – как *-ѣ* и как *-а/-ѧ*. В издании

⁵ Заметим, что, снимая в этом месте позднее отверждение, мы получаем в исходном тексте аллитерацию – *кроватьи тисовѣ*. Ничего не зная о ранней восточнославянской поэтической традиции, мы можем все же полагать, что аллитерации играли в этой поэзии определенную роль, хотя бы потому, что существовавшие (географически) с обеих сторон от нее поэтические традиции – скандинавская и тюркская (известная с VIII в. н.э.) – были основаны на аллитерации (см. о тюркской поэзии, хотя бы, Лексика 615–617).

⁶ Здесь, таким образом, мы не можем воспользоваться подбрасываемой нам в результирующем тексте аллитерацией, поскольку она, скорее всего, не принадлежит автору произведения; он рассчитывал разве что на созвучие шипящих.

⁷ Ср., однако, смоленско-полоцкую берестяную грамоту №246 (до сер. XI в.), где дважды *не присълещи* «не пришлешь» при *лоуцьшаго*. А.А.Зализняк предполагает в этом случае систему с неразличением графем *ш* и *щ* - ДНД 280. Таким образом, не исключается полностью отнесение того же фонетического явления ко времени и месту создания протографа.

⁸ Случаев мены *ъ* и *ь* на конце слова, не связанных с губными, три: *женъчюгъ, Святоплѣкъ* и *вихръ*. Последний может быть поставлен в ряд с отверждениями *р*, два оставшихся, конечно, можно относить к эффектам второго южнославянского влияния – а можно к графической мене слабых редуцированных, наблюдающейся в древнейших новгородских берестяных грамотах и в смоленских пергаменных грамотах начала XIII в., см. ниже.

большая часть таких случаев записана через *a* (после шипящих и после гласной, как своя *вѣщица прѣсты*) и *я*. Это церковнославянизированная запись, которая могла существовать в рукописи XVI века. «Древнерусская» запись этих окончаний – с рефлексам *-ѣ* – сохранилась только в двух местах: *първыхъ времяъ оусобицѣ* (винительный множественного), *ни нама красны дѣвице* (родительный единственного, графическая замена *ѣ* на *e*), и еще, по-видимому, когда в протографе вместо *ѣ* стоял *ь*, использовавшийся для его графической замены. В этом случае, возможно, уже переписчик XVI в. не понял текста и не стандартизовал запись окончания. Это: *пѣтицѣ крилы приодѣшиа* (в Первоиздании *птиць крилы приодѣ*). В нашей реконструкции всегда восстанавливается запись с *-ѣ*, хотя в принципе в протографе могли встречаться и церковнославянизированные написания. Таким образом, условно мы приближаем орфографию протографа к орфографиям грамот, а не летописей, где церковнославянизированное написание этих окончаний встречается часто. Конечно, в протографе, судя по проглядывающим особенностям его орфографической системы, вместо этимологически правильного *ѣ* в этих окончаниях могли писаться также *-e* и *-ь*, но как-то обосновать, почему в каждом конкретном случае могла или не могла произойти такая графическая замена, мы не можем, поэтому оставляем восстановленные окончания без графического варьирования.

К тому же слою мы относим творительный множественного *молотятъ чепи харалужными*. Объяснение формы – замена творительного на именительный – см. в СПИВЛ 87. В памятниках такие замены наблюдаются с XV–XVI вв. В реально функционировавших и доживших до наших дней говорах таких форм творительного множественного явно не было, а, наоборот, как раз появились формы, аналогичные современным. Эти формы получены под влиянием сначала *и*-склонения, а затем *а*-склонения (на *-ми* и *-ами*, фиксируются с XIV века, в Новгороде: кон. XIV в. *конми* (ДНД 111); украинские грамоты XIV–XV вв. *городми, млынми, гаими*). Поэтому можно совершенно уверенно утверждать, что это – *гиперкоррекция*⁹ человека, пытавшегося подстроиться под архаичную, уже не живую форму: писавший думал, что «правильный» творительный множественного (старое *цѣпы*) – такой же как винительный множественного (старое *цѣпы*), а винительный уже не отличался в это время от именительного (старое – *цѣпы*). Следовательно, такая форма не могла появиться раньше XV в., так что в реконструированном тексте мы заменяем ее на *чепы*.

III. А. А. Зализняк относит к «ошибкам» предыдущей категории еще несколько типов написаний. Это 1) состояние редуцированных, 2) написания типа *половецкии* и *рѣтко*, 3) запись рефлексов старых слоговых сонантов как *ръ, ль* (возможно, следствие второго южнославянского влияния), 4) смешение им. и вин. падежей множ. ч. в *о*-склонении, 5) смешение мягкого и твердого вариантов склонения, 6) аналогическое *-ян-* в *шеломянемъ*, 7) проникновение местоименных окончаний в адъективное склонение, 8) «церковнославянский» дательный *себѣ, тебѣ* вместо древнерусского *собѣ, тобѣ*, 9) употребление несогласованных деепричастий, 10) употребление *л*-перфекта, 11) случаи с двойным *ся* (расположенным в старом и в модернизированном порядке) (СПИВЛ 79-91). Поскольку основной пафос работы А. А. Зализняка направлен на демонстрацию того, что текст «Слова» многослоен, сложно устроен с историко-диалектологической точки зрения, и потому вряд ли может быть подделкой (действительно, достаточной лингвистической квалификацией для его подделки обладает разве что сам А. А. Зализняк (начиная с конца 1970-х гг.), с меньшей вероятностью – еще 5–6 знакомых с его исследованиями коллег и учеников), то ему,

⁹ То есть неправильное написание вследствие некорректного применения орфографического правила – например, часто встречается написание *о* вместо *a* в безударном слове – *боран*, потому что человек боится сделать ошибку типа *карова*.

строго говоря, не очень важно, не могут ли какие-то из этих особенностей относиться и к протографу «Слова», хоть они и не соответствуют общепринятым представлениям о раннедревнерусском языковом состоянии. Попытаемся рассмотреть эти явления именно с такой точки зрения – что из них не может, а что все-таки может восходить к протографу «Слова».

1. Редуцированные

В тексте «Слова» широко представлены, во-первых, опущения слабых редуцированных, во-вторых, прояснения сильных (в *o* и *e*), в-третьих, эффекты фонетических ассимиляций, происходивших после падения редуцированных. С точки зрения лингвистики трудно сказать, какие конкретно из этих случаев можно отнести к протографу, а какие следует обязательно считать эффектом XVI в. При этом звучание редуцированных в первоначальном тексте – фонетическая особенность, чрезвычайно важная поэтически. По ряду показателей, в XII в. в смоленско-полоцких диалектах слабые редуцированные уже пали (надпись на кресте Ефросиньи Полоцкой; Смоленские грамоты с начала XIII в.); то же в Новгороде – ДНД 89 (явно пали уже в XII в.). Вот данные по графическому поведению редуцированных в Смоленской грамоте 1229 г. (подлинник, список А, дается по изданию Смол.)¹⁰:

1) Графическое опущение слабых еров.

а) на конце слова: частицы *аж бы*, *иж*, предлоги *къ/к*, *съ/с*;

б) в середине слова: в приставках типа *съ-*, ср. написание с колебаниями *из-/ис-* - *изъ-/исъ-* и т.д.; в корне слова: *что*, *кто*, *вси*, *кнѧзь*, *правда*, *напсати*, *псана*, *всѧк-*, *оумрете*, *однемь*, *звати*, *възъмьть*, *векши*, *много*, *посльмь*, *послоу*; в суффиксе: *вълно*, *мирно*, *свободнь*, *оумниш/оумьна*, *ровнати*, *смолянѧне*, *смолянѧнъмь*, *смолянѧны*, *гривна*, *гривны*, *гривну*, *готскымь*, *на готскомь*, *латинскимь*, *немчиноу*, *въѡцю/въсцю*, *земледѣржци*, *коупчемь*, *хольпство*, *льгче*, *болше*; в окончании: *людми*.

2) Мена слабых еров на конце слова: *камь*, *всемь*, *темь*, *смолянъмь*, *готь*.

3) Запись сильных еров через *e*, *o*: *челнь*, *гривень*, *по върѣмьнемь*, *берегомь*, *товаромь*, *посломь*, *послоухомь*, *роусиномь*, *пискоупомь*, *съ языкомь*, *мъчемь*, *съ кнѧземь*.

4) Запись сильных еров через **ѣ**: *людѣмь*, *свободѣнь*, *оу смолянѣскь*.

5) Слабый *ь* записывается как *e* а) на конце частицы: *ате*; б) в суффиксе: *латинескомуу*, *готескомуу*; в) в окончании: *оурѧдѧте сѧ*, *боудѣте* (3 л.ед.ч.).

6) Слабый *ь* из *ъ* записывается как *o*: *отидето* (3 л.ед.ч.).

7) Слабый *ь* записывается как *o* а) в предлогах: *ко жельзоу*, *ко смольньскоу*; б) в корне: *крававь*; в) в окончаниях: *им.ед. муж. ролфо*, *миро*, *дълго*.

8) *ѣ* записывается как **ѣ** а) в корне: *четвѣрти*; б) в суффиксе: *свободѣниш*, *свободѣнь*; *ризѣскими*; в) в окончании: 3 л. ед. и множ.ч. *боудѣтѣ*, *въсхочетѣ*, *весѧтѣ*; им. ед. муж. *кнѧзѣ*.

9) **ѣ** записывается как *ь* а) в корне: *въсцю*, *въсцити*, *нальзль*, *оу жельза*, *ко жельзоу*, *мьсто*; б) в окончании: местн. ед. муж. о-скл. *въ смольнѣскь*, *въ смольн[тильда]скь*; дат.ед. жен. Adj-скл. *свободнь*; род. ед. а-скл. *въль*, *из земль*; дат. ед. а-скл. *старость*, род. множ. муж. мест. скл. *тѣхъ*; в неизм. слове *посль*.

10) *e* записывается как *ь* а) в префиксах: *пъревѣсти*, *пъревъзль*; б) в суффиксах: *розроушьнь*, *изльмьлна*, *по върѣмьнемь*; в) в окончаниях: 3 ед. наст. вр. *отимьть*, *имьть*, *емльть*, *възъмьть*, *хъчьть*; сравнит. степень *боль*; г) в корне: *по върѣмьнемь*, *по бѣръгоу*, *берьго*, *берьгомь*, *на берьзѣ*, *мъжю*, *промъжю*, *льгче*, *сърьбра*, *мьтати*, *мъчемь*, *сърьбрьные*, *пъреже*, *пърдь*, *перьдь*, *пъревъзль*, *пъчатию*.

11) *o* записывается как *ь* а) в корне: *хольль*, *нъга*, *въльчанинь*, *въль*; б) в суффиксе: *винъватъ*; в) в окончании: *женью*, *въдомъ былъ*, *инъ*, *тѣ*, *окъ* (им.ед.средн.), *быхъмь*, *на гочкъмь*, *инъмоу*.

12) Опущение сильных еров: *гривнь*.

Как можно видеть, орфография редуцированных в раннем смоленском светском тексте практически не отличается от бытовой орфографии ранних берестяных новгородских грамот (о которых см. подробно ДНД 21–41). Ср. еще примеры из смоленской грамоты 1223 г.: Мена еров: часто *гътѣскь*; **ѣ** вместо *ь* слабого: *немѣчицю*, сильного: *смолянѣскѣ*, *немѣчьскомуу*, *немѣчь*; *e* вместо *ь* слабого (который вместо *ъ*

¹⁰ Здесь и далее обработка данных по смоленской грамоте 1229 г., списки А и Ф, сделана студенткой 3-го курса Факультета лингвистики РГГУ Светланой Переверзевой, которой я и приношу глубокую благодарность.

слабого): *изетяль*, ср. рядом *изотъметъ*; ъ вместо о: регулярно *гътъскъ*, *тъ* наряду с *то*, *гъсть*, *тъварь*; смоленская берестяная грамота № 9/8 *пъло съме гривнѣ*. И практически с теми же явлениями мы сталкиваемся в «Слове».

Прежде всего выделим те случаи, где неэтимологическое написание не может объясняться поздней фонетикой и лучше объясняется остаточным проявлением древней бытовой орфографии. Это опущение сильного ера: *въ пяткъ* 132¹¹; запись ъ вместо о: *тъи* 207, *нъ* 29, 150, 235, 404, 422, 431, 494, 584, 600¹²; запись ь вместо е: *речь* 16 (и, возможно, еще раз 722 – по Ек.), *жля* вм. *желя* (с последующим опущением ь) 294; (*понизить*, *вонзить* 543, 544 – возможно, следствие неправильного раскрытия выносных букв); запись о вместо ъ слабого в случае: *то же* (*звонъ*) 212; запись е вместо ь слабого в случае: *одѣвахъте* 345; записи ѣ вместо ь: *лебедѣи* 19, 28, *половѣцкою* 39, *половѣцкыми* 141, *помѣркоста* 372, особенно в случае **розѣно сѣ* 600 (иначе чрезвычайно трудно понять интерпретацию *рози нося* в Первоиздании; написание *и* вместо ѣ – вполне возможная ошибка и для переписчика XVI в., и для издателя XVIII в.); записи ь вместо ѣ: *птиць*, *незнаемь* (наречие), возможно, также трижды *пѣснѣ* (по Ек.). Скорее, сюда же можно относить случаи мены слабых еров (кроме случаев конца слова): *жъ* 47, *мъгла* 126, *мъглами* 707, *дъскы* 353, *тъмою* 108, 392; А. А. Зализняк подразумевает их связь со вторым южнославянским влиянием, но более очевидное проявление второго южнославянского влияния, «церковнославянское» написание рефлексов старых слоговых сонантов (о котором подробнее см. ниже) совершенно явным образом учащается при удалении от начала текста (ср. СПИВЛ 92), а эти мены распределены не так. В то же время старым бытовым орфографиям такие мены свойственны, а их редкость в тексте «Слова» соответствует нашим представлениям об их остаточном характере.

Кроме того, остается большое количество случаев, которые в принципе могут объясняться поздней фонетической записью, но при этом у нас нет формальных оснований все их считать поздними, поскольку эти явления встречаются и в древних бытовых орфографиях. Анализируя их, можно попытаться воспользоваться тем же приемом, что и А. А. Зализняк при анализе написаний с *кы*, *гы*, *хы* и окончаниями именительного множественного. А именно, мы попробуем проверить, как распределены по тексту следующие написания¹³.

Опущение редуцированного на конце слова перед клитикой¹⁴: *растѣкашется* 13, *напльнився* 37, *сѣяшется* 229, *плачется* 703, *свѣтится* 738, *вьются* 741; если дело в выносных буквах, то сюда же относятся *святславъ* 317, *святславлича* 461, *святславлича* 479.

Варьирование на конце приставок: а) исконно безъеровые предлоги и приставки (в реконструкции оставлены безъеровыми): *въскладаше* 30, *истягну* 35, *искусити* 53, *испити* 58, *въспѣти* 72, *възлелѣяны* 89, *въскрѣмлени* 90, *изъострени* 92, *роспуцени* 116, *рассушяе* 134, *разлучиста* 262, *въсплескала* 278, *въсплакашас* 297, *разлияся* 306, *взмути* 324, *иссуши* 325, *възгряху* 357, *испити* 366, *въспѣша* 389, *изрони* 396, *бес щитовъ* 418, *възбиваетъ* 429, *издалеча* 438, *раскропити* 440, *изрони* 538, *разшибе* 564, *избивая* 675; б) исконно содержащие «ер» приставки, в реконструкции редуцированный восстанавливается: *всядемъ* 49, *спала* 51, *свѣдоми* 87, *отворени* 94, *свычая* 202, *скратишас* 232, *вступиль* 277, *смыслити* 299, *сдумати* 300, *смѣшено* 348, *снесесе* 385,

¹¹ Если это не опущение выносной буквы, ср. Ек. *въ пѣкъ* (маркировка примеров из «Слова» – по строкам в нашем издании).

¹² Возможно также (дважды) 528 *рекъ^м* "рекомо", если правильно восстановление здесь ассонанса с *на кровъ* и 725 *рекъ^{ста}*, если правильно восстановление аллитерации с 726 *свѣтъславѣ*.

¹³ Здесь не учитываются сочетания редуцированных с плавными, о которых см. ниже.

¹⁴ Эти случаи могли образоваться и за счет спуска выносных букв издателем XVIII в.

смѣшено 397, скована 407, створисте 409, вступита 456, подперь 465, отворяеши 472, срони 497, подпрься 555, отвори 563, смысленыи 587, съморци 652.

Опущение слабого редуцированного в корне¹⁵: помняшетъ 16, Мстиславу 23, княземъ 31, почнемъ 33, възрѣ 41, вся 44, позримъ 50, внуку 67, внуче 73, ржуть 74, ждетъ 78, Всеволодъ 79, Всеволода 78, князю 51, 100, 131, 361, князь 101, рци 116, успе 127, птичь 105, птицъ 118, помчаша 135, всякими 141, сребрено 145, дни 157, внуци 172, всѣхъ 180, Всеволодѣ 185, Олговы 205, Всеволожь 214, въздоша 250, вся 215, постла 221, Олгову 222, князя 223, при Олзѣ 228, внука 230, княжихъ 231, что 252 (2), Всеволода 257, дни 260, полудню 260, внука 276, княземъ 281, князи 284, 309, 502, 503, всѣхъ 287, птицъ 291, ркучи 297, сребра 302, два 313, 363, 372, Всеволодъ 314, лжу 315, успиль 316, князя 335, во днѣ 337, князь 340, всю 355, ркоша 361, князю 361, княже 362, 437, Всеволоде 195, 400, 437, прострошася 381, сребренеи 410, многовои 412, зло 431, Мстиславе 480, птицю 486, многи 489, княже 494, 501, 533, 682, по Рси 498, князи 502, 503, 703, 749, олговичи 503, Всеволодъ 505, вси 506, 542, Мстиславичи 506, серебряными 518, Всеславу 527, птицъ 534, брячслава 536, Всеволода 537, внуце 542, Всеслави 542, вонзить 544, Всеславию 549, Всеславъ 553, 573, дотчеса 557, князь 573, 668, 738, княземъ 574, 744, 752, Тматороканя 577, птицю 589, князеи 593, утру 610, князю 610, зегзицею 604, 606, ркучи 614, 629, 643, мнѣ 638, Днепре 630, несала 639, всѣмъ 645, простре 646, затче 650, князю 653, 664, 665, 700, спить 659, бдитъ 659, князя 688, серебряныхъ 690, днѣ 701, стлавишу 689, Гзакъ 708, 717, Гза 724, Гзѣ 721, почнуть 728, птици 728, всеволодѣ 747, зло 735.

Опущение слабого редуцированного в суффиксе: трудныхъ 4, орломъ 15, красному 26, нынѣшняго 34, сердца 36, ратнаго 37, свѣтлое 42, солнце 42, 104, половецкаго 55, свѣтлыи 81, сѣдлаи 83, осѣдлани 85, роуская 122, 170, роускыѣ 181, половци 113, 179, орли 120, клетомъ 120, потопташа 132, половецкыѣ 133, 135, 167, 192, красныя 135, 201, дѣвки 135, половецкыими 141, половецине 153, ? Гзакъ 154, харалужными 189, велми 157, солнца 160, руская 170, мутно 176, рускыя 181, отня 199, Глѣбовны 201, давныи 213, отца 225, по рускои 233, 251, 294, 306, 380, рѣтко 234, харалужныя 245, половецкыи 247, докончаша 265, рускую 268, 289, 311, 459, жирня 280, руския 297, жирна 307, грозныи 318, киевскии 318, рускыи 308, половецкою 322, притопта 323, желѣзныхъ 327, харалужными 321, половецкыхъ 328, половецкыѣ 338, роускаго 339, гридницѣ 331, нѣмци 332, сѣдла 341, сѣдло 341, отня 364, 439, женчюгъ¹⁶ 351, половецкою 402, половецкыими 434, желѣзны 370, темно 371, солнца 372, половци 381, готскыя 388, красныя 388, роускымъ 390, жадни 394, сыновчя 399, нечестно 404, 405, сердца 406, засапожники 419, прадѣдною 421, преднюю 424, заднюю 425, угорскии 465, роускою 477, 514, 548, 656, желѣзными 466, половецкыи 551, ляцкии 511, отня 473, желѣзныи 487, латинскими 488, Литва 490, половци 491, харалужныи 493, солнцю 495, листовие 497, шестокрилицы 507, непобѣдными 508, грознымъ 521, литовския 525, литовскими 530, дѣднеи 545, киевскаго 558, харалужными 567, жемчюжну 538, роускыхъ 572, роускои 591, помянувшие 592, киевскимъ 596, Полотскѣ 580, Ярославнынъ 602, Ярославна 613, 627, 642, половецкою 633, половецкои 655, половецкыи 667, половецкомъ 729, стрѣлки 618, нетрудною 619, крилицу 619, каменныя 632, слънце 644, свѣтлое 644, тресвѣтлое 644, красно 645, тепло 645, безводнѣ 648, отню 657, Донца 661, 673, Донче 686, лелѣявшу 688, стлавишу 689, одѣвавшу 691, роускои 685, 736, 738, теплыми 691, темнѣ 701, дятлове 713, тектомъ 713, сокола

¹⁵ Конечно, часть таких опущений может быть опущением паерков, как об этом свидетельствует написание Первоиздания *взмути* 324, при Ек. *в'змути* с паерком. *Двина* 520 исконно не содержит редуцированного, ср. финское заимствование *Viena* (иначе было бы *Tuviena*).

¹⁶ Ср. *женчюгъ* на кресте Евфросиньи Полоцкой.

723, красною 723, 725, красны 727, пѣстворца 731, тяжко 734, солнце 738, пѣвше 745¹⁷.

Запись *о* вместо *ь* сильного: *щекотъ* 127, *сонъ* 344, *литовския* 525, *литовскими* 530.

Запись *о* вместо *ь* слабого: *тогда* 18, 41, 101, *ущекоталь* 60, *то же* 212, *тогда* 228, 233, *тоска* 306, 436, *ко* 227, 721, *тогда* 395, 678, 709, *святослави* 635, *завтроку* 676.

Запись *е* вместо *ь* сильного: *конецъ* 55, 90, *половецкаго* 55, *половецкыя* 133, 135, 192, 247, *Олеги* 207, 375, *день* 258, 371, *отець* 317, *половецкыи* 247, *половецкую* 322, 402, *половецкихъ* 328, *половецкія* 338, *мутень* 344, *темно* 371, *месть* 392, *нечестно* 404, 405, *половецкыми* 434, *городеньскіи* 541, *половецкыи* 551, *половецкую* 633, *слезъ* 640, *половецкои* 655, *половецкии* 667, *Донецъ* 681, *половецкомъ* 729.

Запись *е* вместо *ь* слабого: *мужествомъ* 36, *мыслену* 61, *трепещуть* 161, *стремень* 102, *слезами* 397, *стремень* 210, *стремени* 457, *заутреню* 580.

Чтобы количественно оценить, что происходит с «ошибками» по мере приближения к концу текста, мы провели, в общем, ту же процедуру, что А. А. Зализняк, только не стали заранее, априорно делить текст на участки с разным количественным соотношением ошибок, а построили график по всему тексту.

Описание графика. Если расположить на графике непосредственно исходные данные: по *x* – например, номер строки (это точнее обозначает положение в тексте, чем номер «звена», как у А. А. Зализняка, так как звенья гораздо сильнее различаются по размерам; еще точнее был бы просто порядковый номер символа от начала текста), по *y* – количество в этой строке ошибок, то основным значением будет ноль, реже – единица, иногда – больше. На рассматриваемом графике на все 774 строки текста приходится 332 «ошибки» первого типа и 55 – второго. Из такого графика только с большим трудом и только очень приблизительно можно увидеть, что ошибок в какой-то части текста больше, чем в другой – по сгущениям и разрежениям разделенных нулями ненулевых значений. Вдобавок ошибка по своей природе является, по крайней мере отчасти, случайным явлением, следовательно, даже если распределение их по тексту и имеет место, оно неизбежно загрязнено случайным шумом, так что каждое конкретное значение все равно имеет не абсолютную ценность (как находящееся непременно в данном месте текста и имеющее ровно такой размер), а только статистическую. Поэтому оправдано применение сглаживания данных для выявления закономерностей усредненного поведения ошибок.

Для сглаживания удобно применить гауссиану, поскольку именно этой функцией определяется поведение случайно распределенной величины. Каждому *x* вместо исходного значения *y* присваивается новое, с добавкой части исходных значений прочих строк, причем, чем дальше они от данной строки, тем их вклад меньше. Гауссиана приблизительно представлена следующей формулой, учитывающей по 30 строк в обе стороны от данной (вкладом более удаленных строк можно пренебречь из-за его малости):

$$y_x^{new} = [y_x + (y_{x-1} + y_{x+1}) e^{-1/60} + (y_{x-2} + y_{x+2}) e^{-2/60} + (y_{x-3} + y_{x+3}) e^{-3/60} + \dots + (y_{x-29} + y_{x+29}) e^{-29/60} + (y_{x-30} + y_{x+30}) e^{-1/2}] /$$

Для того, чтобы иметь возможность применять эту формулу не только к средней части текста, но и к его началу и середине, хотя бы приблизительно, была сделана экстраполяция в обе стороны путем присвоения дополнительным «строкам» средних значений по примыкающей к концу области той же длины (30 строк). Эти средние значения количества ошибок в строке оказались для начала текста равными $1/6$ для ошибок первого типа, $1/30$ – второго, $1/5$ – для их суммы (то есть на первые 30 строк пришлось 5 ошибок первого и 1 – второго типа, итого 6); для конца текста среднее значение выше: соответственно, $13/30$, $1/30$ и $14/30$. Эти значения присваивались дополнительным точкам с «номерами строк» от 0 до –29 и 754–774. Новые, сглаженные значения рассчитывались для прежнего интервала (строки 1–774), а дополнительные усредненные значения на концах нужны только для того, чтобы гауссиана могла «подойти» к краям интервала (исходного). При этом степень приближенности данных на концах интервала больше, и она на протяжении 30 строк постепенно приближается к среднему значению на основной части интервала – строках 31–723 (математическая обработка данных проведена А. Ф. Боруном и М. В. Борбатов).

¹⁷ Сюда же, в принципе, можно было бы отнести написание *горнастаемь* 669, если считать, что уже действовала народная этимология этого слова через прилагательное *горьныи*; произношение с *ь* позволяет созвучие с *игорь* в предыдущей строке. Вообще происхождение слова неясно (см. Фасмер I 442-443), но славянские параллели требуют реконструкции **gornos(t)alь* и русского **гороносталь*. Повидимому, оно, как многие названия животных семейства куньих, рано подверглось табуизации и деэтимологизации, отсюда раннее выпадение срединного гласного, см. Лекции 98.

Диаграмма 1.

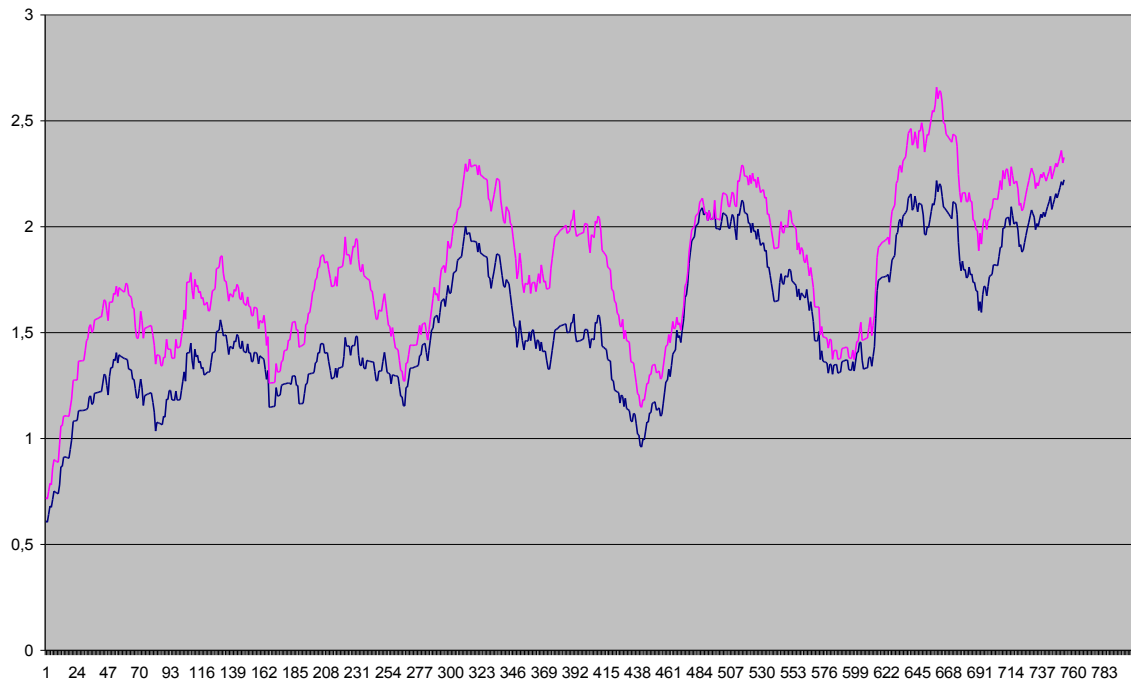
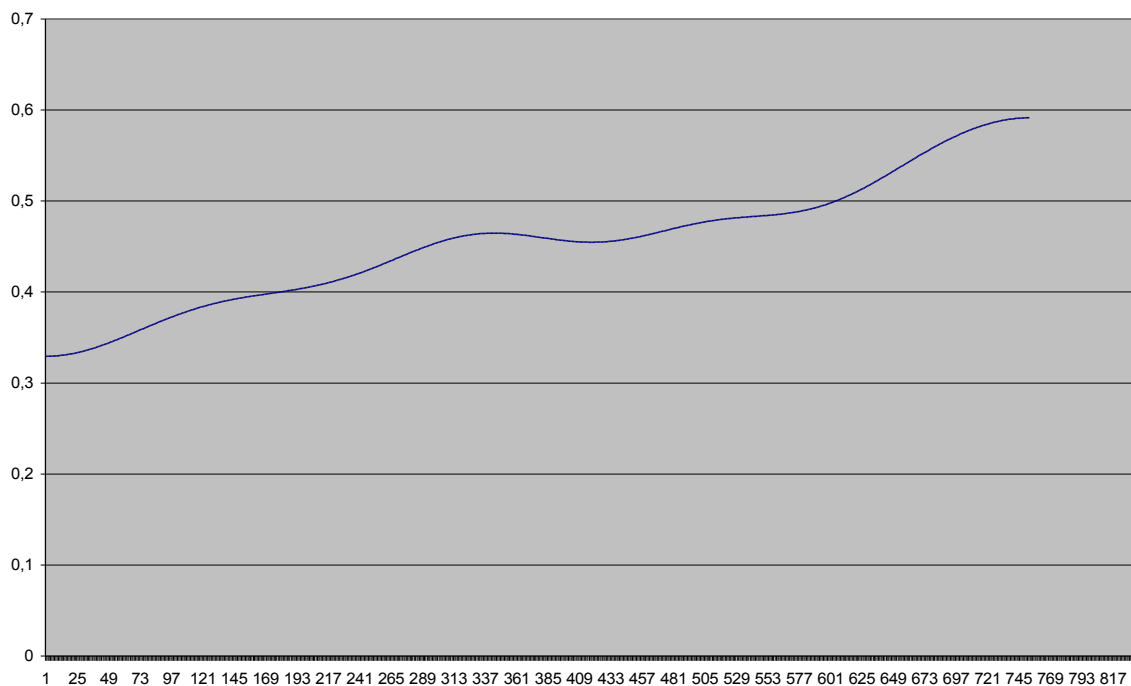

Диаграмма 2.

Примечание. Сглаживание проводилось путем многократного проведения следующей процедуры: значение в каждой точке (точка – строка стиха, значение – число в ней предполагаемых ошибок переписчика) приравнялось половине прежней величины плюс по четверти значений в соседних точках.

Сглаженный с помощью гауссианы график распределения ошибок в написании редуцированных по тексту (см. диаграмму 1; синяя линия изображает «фонетически обусловленные» пропуски редуцированных, красная – суммарные «фонетически обусловленные» ошибки в редуцированных) в явной форме демонстрирует разбиение текста на две или четыре части по отношению к их частотности, причем любопытно, что эти части в целом приблизительно соответствуют частям, на которые А. А.

Зализняк делит текст в отношении написания *кы, зы, хы*, форм именительного падежа множественного числа мужского рода и окончаний прилагательных (СПИВЛ 89–91): у него это звенья 1–54 или 1–56, 55–127, 128–218 (или 135–183, 184–218); у нас – строки 1–266 (звенья 1–71), 267–431 (звенья 72–119), 432–596 (звенья 120–165) и 596–754 (звенья 166–218). Вероятно, мелкие разделения имеют случайный характер; при делении же на две части можно заметить, что вторая часть графика (267–596) повторяет первую, но явно в увеличенных масштабах. Более сильное сглаживание (диаграмма 2) демонстрирует подъем частоты ошибок по мере приближения к концу текста. Итак, перед нами та же модель переписчика XVI в., который с разной точностью передает написания оригинала, допуская к концу текста все более частые отступления. При этом либо переписчик считал точную передачу написания редуцированных менее важной, либо (и это кажется более вероятным) в тексте, с которого он переписывал, уже имелось некоторое количество опущений и прояснений редуцированных, что вполне возможно при влиянии на протограф бытовой орфографии.

Итак, ясно, что и сам протограф «Слова» был написан на языке, в котором уже прошло падение и прояснение редуцированных. При этом в нескольких случаях по эфоническим соображениям хотелось бы, чтобы слабые редуцированные читались в исходном тексте как слогаобразующие¹⁸. Например, *кричать тѣлѣгы полоуноци* – аллитерация. Произношение редуцированных обеспечивает равнотактность парных и тройных параллельных строк: *ста'ромоу яросла'воу/ хра'бромоу мьстисла'воу; о'тъ ста'раго влади'мера / до нынѣ'шняго Игорѣ; дълго ночь мьркнетъ / зарѣ свѣтъ запала / мьгла полѣ покрыла; щекотъ славии оусъпе / говоръ галичь оубоуди, чьрленъ стагъ / бѣла хоругы*. Возможно даже, что следующий маленький кусочек написан в хрюнхенте¹⁹: *Тѣи бо олегъ | мечемъ крамоу / коваие и стрѣ'лы | по'земли сѣяше* (проставленные здесь ударения в принципе возможны для древнерусского). Для дифференцированного решения относительно каждого слабого редуцированного в тексте оснований маловато. Поэтому в реконструируемом тексте мы восстанавливаем почти все павшие редуцированные. Основанием для такой реконструкции можно считать довольно сильное, но не невозможное предположение о том, что при произнесении поэтического текста (при скандировании) в древнерусской поэтической традиции (которой мы, разумеется, не знаем) существовала манера проговаривать редуцированные – все или только нужные по поэтическим соображениям, как это устроено, например, при скандировании французских стихов. По старообрядческой манере регулярно произносится (как *о* и *э*) конечный редуцированный (что согласуется с постоянным прописыванием их в памятниках бытовой орфографии и в «Слове»). Но внутрисловные редуцированные, по-видимому, произносились (и выписаны в служебных текстах) спорадически; так же при хомовом пении – см. Успенский, Архаическая система, 36–39. Однако, если в XII веке существовала традиция произношения павших редуцированных, она была ближе по времени к периоду, когда они еще существовали в живой речи, так что возможно, что при всех этих допущениях правильно считать, что слогаобразующими были все слабые редуцированные. Проясненные редуцированные условно оставлены в тексте в проясненном виде, поскольку любой из них мог быть так записан в протографе.

Исключения (т.е. определенно павшие редуцированные) можно предположить для случаев ассимиляции соседних согласных, которые стали соседними вследствие выпадения разделявшего их редуцированного гласного. В самом деле, в тексте не

¹⁸ Есть, впрочем, и противоположный случай – *земля тоутнетъ рѣкы мутьно текоутъ* (если *ь* в слове *мутно* не произносится, получаем аллитерацию на *тн* с *тутнетъ*).

¹⁹ Тип древнескандинавского стиха.

сохранилось ни одного случая написания *половечьскыи* или *роуьскыи*²⁰, хотя это – довольно частые слова. В начале текста еще встречается написание *руськую* 40, но и оно свидетельствует о падении редуцированного. Везде по тексту *Половецкыи* (однажды *половѣцькоюу* 39), *галичкыи*, *ляцкыи* вместо этимологически правильных *галичьскыи*, *лядьскыи*. По-видимому, это соответствует диалекту протографа, ср. в ранних смоленских грамотах: 1229 г. А (подлинник): *роуьскыи*, *ризкыи*, *ризѣскыи*, *гочкыи*, *готскыи*, при традиционных написаниях *готескомь*, *дѣтского*, *дѣтского*, *полотского*; 1229 Е (первая половина XIII в.) *немецкыи*, *немыцкыи*, *немечкыхъ*, *волоцьскыи*, *децьскыи*, *по полоцьскои* при *готьскыи*, *роуьскыи*, *рижьскыи*; но 1223 г. (княжеская грамота, содержащая больше отклонений от бытовой орфографии) *немычьскыи*, *рижьскыи*, *гѣтскыи*, *дѣтскыи*. Впрочем, поскольку *ь* в этих случаях изредка выписывается в «Слове», то он мог проговариваться при скандировании, и мы выписываем его в реконструкции (соответственно, *роуьскыи*, *половецкыи*, *галичкыи* («чоканьем»), *ляцькыи*).

Скорее всего, следствие опущения титла при издании – написания *чти* (3) вместо *чьсти*, ср. в Смоленской грамоте 1229 А инфинитив *почьсти*, в берестяной грамоте 246 смоленско-полоцкого происхождения (20–90 гг. XI в.) *чьстное* (впрочем, это — в сочетании *чьстное древо* – о кресте, как и *чьстныи* на кресте Евфросиньи Полоцкой, так что может быть церковнославянизмом) ДНД 280, а также ранне-новгородские *чьсть*, *чьсти* ДНД 817. А.А.Зализняк отмечает более медленное падение редуцированных при сочетаниях согласных: *почьста*, *потьснуть*, *тѣщина*, *мьзда*, *дѣска* ДНД 61; может быть, однако, редуцированные сохраняются здесь не из-за сочетаний, а из-за унификации основ с павшим и проясненным редуцированным при словоизменении? Мы восстанавливаем *чьсти*, при этом восстанавливая аллитерацию: *собѣ чьсти а князю славѣ*.

Написание *рѣтко* вместо *рѣдко*²¹ с некоторой вероятностью могло принадлежать и протографу, ср. в новгородских текстах оглушение – самый ранний пример *Блоуткиница* НПЛ под 1230 г., см. ДНД 87. Однако случай озвончения в сочетании после падения редуцированного – *Зби(ся) дивѣ* – следует, безусловно, относить в текст XV–XVI вв. (тем более, что он попадает в «темное место»), ср. Псковская 2-я летопись, Синодальный сп. (кон. XV в.): *Здоумавѣ съ мудреци своими; збора*; также в смоленских грамотах: *съдумавѣ* 1229 г. В (список кон. XIII в.), *здоумав* 1150 г. (список XV в.).

2. Рефлексы слоговых сонантов.

А. А. Зализняк указывает, что написания рефлексов слоговых сонантов как *лъ*, *рѣ* господствуют в «Слове», отражая второе южнославянское влияние. Однако относительно написания типа *прѣсть* в раннедревнерусском см. ДНД 50–51; как раз такой способ записи обнаруживает связь со смоленской зоной. В новгородских грамотах он встречается с XII в., правда, как будто, с различием *ь* и *ѣ*.

Как архаическое, расценивается написание *о пѣлку игоревѣ* 5, *сѣрымъ вѣлкомъ* 14, *прѣдѣ пѣлки касожьскыи* 25 (самое начало текста), а также (с меной ера) *пѣрвыхъ время* 17. Очевидно, сюда же можно отнести *помѣркоста* 372, считая, что это еще один случай записи *ѣ* через *ѣ*. Более распространен, действительно, одноеровый²² тип *напѣннвѣся*, *пѣкы* (8), *пѣкы*, *пѣкы олговы*, *святопѣкѣ*, *пѣку* (3), *вѣкы* (2), *вѣкомъ* (8), *вѣзѣ*, *бѣванѣ*, *дѣго*, *сини мѣни*, *мѣвити*, *мѣвитѣ*, *хѣми*, *стѣпа*, *слѣнце*, *на вѣнахѣ*, *помѣкоша* – довольно равномерно по тексту, и так же *прѣсты*, *брѣзы*, *брѣзы*, *брѣзѣ*, *брѣзая*, *вѣскрѣмлени*, *врѣху*, *чрѣленыя*, *чрѣленыи* (2), *чрѣный воронѣ*,

²⁰ Возможно, искажением такового является *роуьскую* 459 (со снятым титлом, ср. Смоленск. 1150, сп. 15 века: *роуьскаг* Смол. 125), но, может быть, это позднейшая ошибка (издателя).

²¹ При оглушении получаем аллитерацию: *рѣтко рѣтаеве кыкахуть*.

²² *тѣковинѣ* – путаница еров, пример единичен, поэтому трудно судить о его сущности.

чръныя тучя, чрънигова, чръна, чръною, чрънядьми, чръпахуть, врѣжеса, поврѣгоща, врѣже, въврѣжеса, претрѣгоста, пожрѣши. Ср. *пльночи* (ошибочное написание вместо *польночи*, явно появившееся у позднего переписчика).

Написания *мръкнетъ* 124, *чрълеными* 130, 184, *чрълень* 142, *чрълена* 143 приходятся почти все на первую четверть текста, кроме *чрълена* 528; ввиду упомянутых выше фактов хотелось бы считать их также архаичными²³.

Кроме этих способов, встречается еще запись с проясненным в *о* и *е* гласным, которая может отражать позднюю фонетику, но, впрочем, вполне может и принадлежать протографу. Это случаи *солнце* 42, 104, 160, 644, 738, *солнца* 160, 372, *солнцю* 495, *волгу* 440, *ползоша* 713; *угорьскими, угорьскыи, выторже, папорзи, сморци; подперъ, сердца* (2), *въ черниговѣ, черниговъ, съ черниговьскими*, равномерно распределенные по тексту. Ср. способы записи, встреченные в ранних смоленских грамотах:

1) *врѣхъ* 1229 ACDE; *държите* 1229 E, *държали* 1229 DE, *добросьрдие* 1229 E, *мъртъвь* 1229 D, *първ-* 1229 ABC, *пърстаты* 1229 D, *оутвърд-* 1229 ABCDE, *четвърть* 1229 BCDE, *търгов-* 1223, *дългъ, дължень* 1229 ACDE, 1223, также с написанием **ѣ** вместо *ь*: *дѣржания, дѣржати, пѣрв-, четвѣрть* 1229 A.

2) *верхъ* 1229 ACDE, *держати* 1229 A, *держания* 1229 C, *добросьрдье* 1229 D, *перв-* 1229 ABC, *до смерти* 1229 E, *оутвърд-* 1229 ABCDE, *четверть* 1229 BCDE, *в бортницѣхъ* 1150 (копия XV в.), *долгъ, долженъ* 1229 ACDE, 1223, *челнь* 1229 AB, *стольня* Смоленская берестяная грамота 2/3 (третья четверть XIII в., ДНД 521), *первое* Рядная Тешаты.

3) *врѣхоу* 1229 B (заметим, что так часто записывается полногласие: *по вѣрмьньмъ* 1229 A, *пърьдъ* 1229 A; а вот написание *възвѣржеть* встретилось только в 1229 F – новгородском списке XVI в.); ср. Смоленская берестяная грамота 12 (ДНД 344) (*м*)*льввити*; ср. там же *пъло съме* 'шесть с половиной'.

4) *държанья, държати* 1229 B, *пърстаты* 1229 E (и *пърстатыи* 1229 F), *оутвържена* 1229 B, *въ...церкви* 1229 B, *дольгъ, долго* 1229 B, и *оу дологъ* 1229 C.

5) *чльнь* 1229 C.

Учитывая, что списки грамоты, подлинник которой датирован 1229 г., датируются так: B – конец XIII в., C – первая половина XIV в., D – 70-е гг. XIII в., E – первая половина XIII в., можно считать, что начиная с первой половины XIII в. в Смоленске фиксируется явление второго полногласия (группы 4 и 3), а в XIV в. также и «второй огласовки» (группа 5) наряду с «первой огласовкой». В «Слове» написаний со следами второго полногласия нет, а вот «вторая огласовка», наряду с «первой», может быть, и присутствовала. В реконструкции, однако, мы унифицировали архаический вариант «первой огласовки» из-за затруднительности в целом отделения возможных случаев «второй огласовки» от случаев второго южнославянского влияния.

3. Явления в именном склонении.

Если мы выпишем все формы двухвариантного склонения, диагностические для понимания исторических процессов, проходящих в этой части языковой системы, то картина явно получается сильно смешанная.

²³ Существует точка зрения, по которой такие написания в ранних памятниках отражают старославянские, а написания типа *пърсть* (частые, в частности в – новгородском! – Остромирове евангелии) – искусственные, компромиссные между старославянскими и собственно древнерусскими, а не связанные с явлением второго полногласия (см. Дурново, Очерк истории, 148), но кажется, в свете открытия бытовых орфографий, ее следует пересмотреть. Впрочем, *въ цркви* на кресте Евфросиньи Полоцкой, действительно, может быть обеспечено скорее старославянским написанием, а *злото* – там же – кажется скорее компромиссным написанием между *золото* и *злато*, чем диалектной особенностью, как комментирует Обнорский (Обнорский – Бархударов, 35). См. анализ подобных написаний в ДНД 40–41.

Форма	о-склонение			
	Твердый вар-т		Мягкий вариант	
	«Правильная»	«Неправильная»	«Правильная»	«Неправильная»
Местн.ед	о плъку Игоревѣ, въ Киевѣ (2), Киевѣ (2), въ Новѣградѣ, въ градѣ (2), во днѣ, въ Черниговѣ, при Олзѣ, незнаемѣ (ср.р.) (2), на брезѣ (2), въ пламянѣ розѣ, въ...теремѣ, въ харалузѣ, на столѣ, въ буиствѣ, на...вѣцѣ, на тоцѣ, въ Полотскѣ, въ друзѣ тѣлѣ, на...тѣлѣ, на забралѣ (2), на заборолѣ, безводнѣ, днѣ, днѣпрѣ, темнѣ березѣ, по...Ростиславѣ, на ... Игоревѣ		Гориславличи, трояни, на Дунаи (2), по...князи	въ Путивлѣ (3), Тмуроканѣ, въ полѣ (4), на море, въ морѣ, на полѣ, на синѣ морѣ
Местн. множ.	въ мытехъ, на вѣтрехъ (2), на...брезѣхъ			
Им. множ.	(пути) вѣдоми, греци, [босуви], врани (3), сами (5), готови, оскѣдлани, свѣдоми, кѣмети, повити, (възлелѣяни 89 по Ек.), въскрѣмлени, луци, стязи (4), напряжени, тули, отворени, вльци (2), орли, вѣтри, внуци, пороси, вѣчи, вѣци, Трояни, бѣсови, плъци, жадни, тури, ятвязи, вси, голоси (2) 540, кровави, постѣяни (2), (Давидови 599 по Ек.), сморци, гради, весели, здрави	! куряни/ратаевѣ/боя ре възлелѣяны 89, по-скепаны 193, шело-мы 194, Олговы 205, Игоревы 461, ранены 454, шело-мы 510, щиты 511, унылы 549, Рюри-ковы 598, Давидовы 599, хоботы 600, цвѣты 705; внуцѣ, брезѣ забралы (?) 342	половци (4), русичи (2), русици (2), комони, Стрибожи, князи (4), нѣмци, венецици, Олговичи, Мстиславичи, шестокрици, всеславли, солови	
Вин. множ.	о шеломи (4), соколы, чрезъ облакы, суды, прѣсты, плъкы (5), на плъкы, Игоревы, на щиты, мосты, оксамиты, сваты, потоки, съ три кусы, снопы, грады, въ колоколы, носады, стругы, за христьяны, на...плъки	хльми салтани, гради(?), стязи, лучи, тули, верезени. ? *розѣ озеры 324	воя	вои, на вои (3), свои комони (2), подъ мечи, князи, свои мечи, корабли, святославли, чужи, ручь
Форма	а-склонение			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильная»	«Неправильная»	«Правильная»	«Неправильная»
Род.ед.	славы (2), Глѣбовны, съ Каялы, Каялы (2), рѣкы, до Немиги, лады, красны, головы	славѣ, изъ...славѣ, Немизѣ (или дат.-местн.), ладѣ	своя дѣвице	среди земли, средь земли, многовои, отъ земли, изъ земли, у...Софеи
Дат.ед.	къ дружинѣ, незнаемѣ, вльзѣ, обидѣ, по бѣлѣ, сѣдинѣ, по ногатѣ, по резанѣ, къ рѣцѣ, ко гзѣ	по Сули, головы	по земли (7), земли (4), къ земли (2), къ Софи, къ Богородици	
Местн.ед	на рѣцѣ (2), на Каялѣ (2), на...тисовѣ, на кровавѣ травѣ, на Немизѣ, въ Каялѣ рѣцѣ, ужинѣ, на водѣ, мглѣ		въ...святѣславли, по уноши, въ земли	въ гридницѣ, синѣ мьглѣ
Им.множ.	яругы, тѣлѣгы, рѣкы, головы, стрѣлы, жены,	знаеми, изъострени, роспуцени, ради	туця, твоя, птицѣ	галици (3), лисици, сабли (2), зори,

	дѣски, дѣввы, години, горы, грозы, многи страны, страны, трубы, сорокы (2)			зари, вежи, мльнїи, птици, дѣвици
Вин. множ.	на струны, бѣды (2), на горы, дѣвки, паволокы, раны (2), за раны игоревы (3), стрѣлы, яругы, рѣкы, главы, горы, въ путины желѣзны		усобицѣ	сулицы (2)

В таблице часть форм свидетельствует о постепенном вытеснении окончаний твердого варианта окончаниями мягкого варианта (им. и вин. множ. муж. твердого варианта на **-ѣ**, род. ед. жен. твердого варианта на **-ѣ**, дат. ед. жен. твердого варианта на **-ы** и **-и**), а часть – наоборот, о постепенном вытеснении окончаний мягкого варианта окончаниями твердого варианта (местн.ед. муж. мягкого варианта на **-ѣ**, вин. множ. муж. мягкого варианта на **-и** – эта форма может также объясняться смешением им. и вин. падежей, – местн. ед. жен. мягкого варианта на **-ѣ**, им.-вин. множ. жен. мягкого варианта на **-и**). Такие процессы характерны прежде всего для кривичских диалектов Новгорода и Пскова. С другой стороны, в мужском роде двухвариантного склонения происходит смешение именительного и винительного падежей множ.ч., причем явно стремящееся к победе окончания **-и** в вин.пад. мягкого варианта, окончание **-ѣ** практически полностью вытеснено. Такому состоянию мягкого варианта соответствовала бы победа **-ы** в твердом варианте, либо смешение **-и** и **-ы** с последующим перераспределением (например, по предикативам – не предикативам), но никак не **-ѣ** в им.множ. твердого варианта – окончание, приходящее из вин.множ. мягкого варианта. Никакого влияния мягкого варианта на твердый в этих формах не обнаруживает и а-склонение. Таким образом, здесь предположительно по крайней мере две разные системы, вопрос состоит в том, какая принадлежит протографу, а какая – переписчику XV–XVI вв.

Рассмотрим сначала вытеснение окончаний твердого варианта окончаниями мягкого варианта. Заметим сразу, что форма дательного единственного а-склонения на **-ы** не фиксируется раньше XIV в. (в новгородском Сильвестровском сб. XIV в. *на онои страны* – Лекции 202); с XV в. – в новгородских грамотах, см. ДНД 98; в смоленских грамотах встречено *по...млтвы* в грамоте 1150 г., дошедшей в списке XVI в., причем явно содержащей много особенностей XVI в. – *здоумав* и под. Зато таких форм много в псковских памятниках XV–XVI вв., ср., хотя бы, данные по Строев. в СПИВЛ 105). Формы дательного-местного на **-и** (*у нас - по Сули*) встречаем на новгородско-псковской территории несколько раньше²⁴: *оу лоукини оулицы* Синод. сп. НПЛ, конец XIII в., *жени* Берест. грамота 406 (XIV в.), *оу Вилни* Смол. 1150 (список XV в.) – но также поздно и, по-видимому, они являлись морфологически предшественниками форм на **-ы**. Формы именительного множественного мужского рода твердого варианта на **-ѣ** в пергаменных памятниках появляются с середины XIII в., причем сначала исключительно в новгородских (Лекции 180), в берестяных грамотах – с XI в., в л-причастии (*съгонилѣ*) – с 3-й четверти XII в. Они считаются новгородской характеристикой, или новгородско-псковской (часто в псковских памятниках XV в.). В принципе, однако, форма может принадлежать и каким-то диалектам, не получившим ранней письменной фиксации, ср. совр. белорус. диалектное *мужике, вовке, дворэ*²⁵; в частности, ранние не-церковнославянские памятники для Смоленска и Полоцка редки. Однако все имеющиеся встречаемости такой формы не дают рефлексов второй

²⁴ Имеются в виду, конечно, только памятники без фонетического смешения **ѣ** и **и** – в памятниках с таким смешением окончание **-и** выступает как фонетический вариант **-ѣ**.

²⁵ Но не на территории Смоленской области – см. Расторгуев 100-103.

палатализации²⁶ (новг. *золотьникъ*, а не **золотьницъ*, ср. белорус. *мужике*, а не **мужице*), а в нашем памятнике хорошо прослеживается последовательное сохранение второй палатализации. Причем скорее его следует относить к протографу, поскольку оно обладает нетривиальной особенностью, характерной как раз для смоленско-полоцких текстов (ср. *въ Полотскъ*, но *на брезъ* – и в в берестяной смоленской грамоте *не мъзи*, но *смоленске* ДНД 344-345, и так же в пергаменных смоленских грамотах). При этом обе формы им. множ муж. на *-ъ* как раз со второй палатализацией: *внуцъ*, *брезъ*. Приемлемой интерпретацией этой ситуации кажется следующая: в протографе (смоленско-полоцком) здесь были нормальные формы со 2-й палатализацией, *внуци* и *брези*, а псковский переписчик (не имеющий живой второй палатализации) приставил им свое окончание, возможно, даже ориентируясь на формы мягкого варианта, как это должно было произойти и в случаях из Строев. или Ипатьевской летописи, приводимых в СПИВЛ 105: *сребролюбче*, *ворозъ*, *мнозъ*, *клобоуцъ*. При таком решении мы теряем в протографе одну точную аллитерацию, заменяя ее на неточную: *Немизъ кровави брезъ* (меняется на *брези*), но кажется, с этим придется смириться, поскольку лингвистические аргументы довольно императивны.

Часто им.множ.муж. твердого варианта на *-ъ* сцеплен с наличием им. множ. ж. р. твердого варианта на *-ъ* (заметим, что в «Слове» этих форм нет), в свою очередь связанного с наличием не только предложного, но и беспредложного род. ед. ж. р. твердого варианта на *-ъ* (см. Дыбо 1989, с. 186), что также наблюдается как в самых ранних новгородских, так и в указанных поздних переписанных псковских памятниках. Тогда (конечно, в высшей степени гипотетически) можно отнести формы род. ед. ж. р. твердого варианта на *-ъ* к списку XVI в., заменив их в реконструкции на этимологически правильные. С другой стороны, хотя в смоленских памятниках до сих пор надежно не фиксировался род. ед. на *-ъ*, он вполне употребителен в современных смоленских говорах (Расторгуев 104; преимущественно формы с предлогом); кроме того, имеется один пример в короткой смоленской берестяной грамоте 9/8: *пъло съме р[гу]в[нъ]* («шесть с половиной гривен»), конструкция типа *полторы гривны*), который, по мнению А. А. Зализняка (ДНД 462), может свидетельствовать как о наличии таких форм в ранне-смоленском диалекте (но ср. смоленская №5/7, с. 466 (поминание) последовательно *-ы*), так и о новгородском происхождении этой грамоты. Примеров с эффектами 2-й палатализации среди этих форм в «Слове» нет (если не считать *Немизъ кровави брезъ*, где можно трактовать форму *Немизъ* и как беспредложный местный), так что этот критерий хронологизации не работает; итак, форма остается сомнительной, но мы не можем надежно изгнать род. ед. ж. р. твердого варианта на *-ъ* из реконструкции. Тем не менее, можно заключить, что в целом процессы рассмотренного типа – принадлежность диалекта позднего переписчика, а не писца протографа.

Часть морфологических инноваций появляется за счет смешения именительного и винительного падежей множ. числа. Окончания *-и* вин. пад. множ. ч. мягкого варианта появляются с XIII в. – Милятино ев. 1215 *князи*, Житие Нифонта 1219 (Ростов) *князи* – Дурново 263, в Новгороде – с конца XI в. (ДНД 109). С XIII же века отмечаются и окончания *-ы* им.множ. твердого варианта (ИГДРЯ I, 170; но в Новгороде – мало и

²⁶ Так называется фонетический процесс в позднем праславянском, который переводил заднеязычные согласные в свистящие (в случае древнерусского - *к, г, х* в *ц, з, с*), если после них стоял передний гласный дифтонгического происхождения (в частности, *ъ* из балтославянского *oi, ai*). В кривичских диалектах Новгорода и Пскова этого не было, поэтому общерусскому *цъль там соответствует къль*. Считается, что вторая палатализация проходила после первой – это процесс, переводивший заднеязычные согласные в шипящие (в случае древнерусского - *к, г, х* в *ч, ж, ш*), если после них стоял передний гласный недифтонгического происхождения. Первая палатализация прошла по всем славянским диалектам.

ненадежно). Соответственно, эти окончания можно относить как к копии XVI в. – или ошибкам издателя XVIII в., – так и к протографу. Мы полагаем, что часть их появилась в XVIII в.; это случаи, по которым расходятся показания первоиздания и Ек., *възлелѣяны* Первоизд./ *възлелѣяни* Ек. 89 (явно должно вступать в созвучие со следующими *въскърмлени, напрѣжени, отъворени и изострени*) и *Давидовы* Первоизд. / *Давидови* Ек. 599. В свете последнего исправления должно быть исправлено и *Рюриковы* 598 на *Рюрикови*. Кажется, что следует исправить *-ты* на *-ти* в *цвѣты* 705, ср. глубокую аллитерацию (при учете неразличения *ч* и *ц* в говоре): *плачетьсѧ мати ростиславѣ*²⁷ / *по оуноши кънѧзи ростиславѣ* / *оуныша чвѣти жалою*.

Оставлены в реконструкции с большей или меньшей уверенностью случаи *поскепаны* 193 (ср. аллитерацию на безударное *-ны*: *поскепаны саблями калеными*, – которая отзывается выше (*поганыѣ*) и ниже (*кая раны, красныѣ глѣбовны*). Остальные *-ы* мы оставляем просто по принципу минимальной правки²⁷. С окончанием *-и* вин.пад. мягкого варианта подобные аллитерационные игры менее надежны (фонетически согласный + *ѣ* не слишком отличается от согласный + *и*, а точные правила рифмовки отсутствуют, или, во всяком случае, нам неизвестны), поэтому мы просто условно сохраняем их.

Вин. множ. муж. твердого варианта на *-и* по памятникам также появляется рано – *идѣмъ въ ...гради* Милятино ев. 1215; принято считать, что это – искусственные гиперкорректные формы – у нас еще и с эффектами второй палатализации, ср. выше – при происходящем в языке смешении им. и вин. падежей (откуда реальные формы им. множ. муж. на *-ы*)²⁸. Здесь можно думать и о поздней поправке, и о гиперкоррекции у автора протографа – решение может быть принято в зависимости от того, считаем ли мы, что поэт XII в. мог пользоваться гиперкорректными формами (следовательно, недостаточно тверд был в церковнославянском языке) в поэтических целях, поскольку на них строятся одна глубокая аллитерация (*понизите стязи свои, воньзите свои...*) и одна анаграмматическая связка (*простре горячую свою лучю, ... жажею имъ лучи съпряже*). Лично мне это кажется маловероятным, но, не являясь профессиональным поэтом, оставляю решение за А. Ю. Черновым.

В ряде случаев в тексте имеются формы им.–вин. женского рода твердого варианта двухвариантного склонения на *-и* вместо *-ы*: (*яругы*) *знаеми*, (*сабли*) *изьострени*, (*лебеди*) *роспущени*, (*страны*) *ради* – следует заметить, что все это – формы причастий и прилагательного в предикативной позиции, таким образом, может быть, результат того же процесса, что совр. рус. множественное число прошедшего времени – бывшее предикативное л-причастие типа *были, ходили* – на *-и* независимо от рода подлежащего. К сожалению, локализация этого процесса практически не исследована; в литературном языке он захватил только л-причастия, в диалектах отмечаются также отдельные ареалы предикативов типа *ради, богати* (независимо от рода подлежащего). Что касается ранних памятников, то самые ранние отмеченные формы относятся к XII в. (Новгородский ирмолой, Ефремовская кормчая – см. ИГДРЯ I, 167), далее – в Житии Нифонта (Ростов, 1219 г.) *хвалы... чистоты исполнені* (Лекции 209); мне известны такие же причастные формы (предикативные пассивные причастия, им.множ. женского рода) в Лобковском прологе, западноновгородском памятнике, датированном 1262 г. (*оучими, яти, оусѣчени*)²⁹. Появиться такие формы могли, по-видимому, под влиянием

²⁷ Кажется, что имен.множ. на *-ы* требуется в стихе: *сего бо нынѣ стаща / стѧзи рюрикови / а друзизи давидови / нъ розьно сѧ имъ хоботы пащютъ / копия поютъ*, причем требуется и отвердевшее глагольное окончание, которое отражено смоленским *идето* (см. выше).

²⁸ См. подробное обоснование в ИГДРЯ I, 176-186.

²⁹ Речь идет именно о памятниках, не смешивающих фонетически *ѣ* и *и*; в текстах с таким смешением подобные формы женского рода могут отражать совсем другое явление: распространенное в части

им. п. мн. ч. мужского рода на *-и*, который, следовательно, по крайней мере в предикативной позиции не заменялся в соответствующих говорах на винительный на *-ы* (как это произошло в литературном языке). Возможно, с этим явлением связаны формы ж.р. множ.ч. местоименного склонения на *-и* (*они же сами князем славу рокотаху* – явно о струнах) – ср. современное распространение по диалектам множ.ч. местоименного склонения типа *ти* (независимо от рода). Когда такие формы устанавливаются – неясно, но Лобковский пролог отстоит от предполагаемого протографа менее чем на 100 лет. Так что формы им.-вин. множ. жен. твердого варианта на *-и* можно относить и к особенностям протографа. Заметим, что при такой реконструкции мы получаем в протографе очередную аллитерацию (*страны ради, гради весели*).

Что касается соответствия такой реконструкции предположению о смоленско-полоцком характере протографа, то смоленские грамоты XIII–XIV вв., действительно, в отличие, например, от новгородских, не показывают влияния на твердый вариант двухвариантного склонения со стороны мягкого варианта, но демонстрируют распространение окончания *-и* в вин. множ. муж. и им.-вин. множ. жен. мягкого варианта (правда, с конца XIII в.). Кроме того, наличие твор. множ. *князми* Юр.Св., *моужьми* 1223 в смоленских грамотах предполагает влияние на мягкий вариант муж. со стороны *i*-склонения и, следовательно, хорошую сохраняемость окончания *-и* в местн. ед. при появлении нового *-ѣ* в мягком варианте среднего рода³⁰. По-видимому, можно считать, что такое же распределение присутствовало в протографе «Слова» и рассматривать формы *въ Путивлѣ* (3), *Тмутороканѣ* как ошибку переписчика (см. СПИВЛ 107), а *въ полѣ* (4), *на море, на морѣ, на полѣ, на синѣ морѣ, въ гридницѣ, синѣ мъглѣ* как особенность протографа³¹.

Двухвариантное склонение в Смоленских грамотах XI–XIV вв.

Форма	Мужской и средний род			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильно»	«Неправильно»	«Правильно»	«Неправильно»
Местн. ед.	только <i>-ѣ</i> , в том числе (<i>на березѣ, на волоцѣ, смоленскѣ</i> (много раз, во всех грамотах, кроме 1229 В); в гр. 1229 В только <i>смоленсьцѣ</i> (много раз)	<i>у вержа(в)ску</i> (1150, сп. XV в.)	только <i>-и</i>	
Местн. множ.	<i>городѣхъ</i> 1229 В, <i>послоусѣхъ</i> 1229 ABC, <i>бобровницѣхъ</i> 1150, <i>въ бортицехъ</i> 1150		<i>при коупцихъ</i> 1229 DE, <i>при моужихъ</i> 1229 DE, <i>въ торговцихъ</i> Рядная Федора	
Им. множ.	<i>дѣди</i> 1229В, <i>послоуси</i> 1229 ABCDE, <i>розбоиници</i> 1223, <i>истужници</i> 1150.	<i>гоны</i> 1150	<i>земледержци</i> 1229 ABC, <i>коупчи</i> 1229 АВ, <i>моужи</i> 1229 DE, <i>нем(ь)ци</i> 1223, 1229 DE (3), <i>отци</i>	

новгородских говоров окончание им.множ. *-ѣ*, пришедшее из мягкого варианта склонения – первоначально *жены, землѣ*, затем в литературном языке *жены, земли*, а в этих диалектах – *женѣ, землѣ*, см., например, ДНД 98, а при фонетическом смешении – как например, в некоторых двинских грамотах – и *жени, земли*.

³⁰ Собственно в смоленских грамотах XIII–XIV вв. форма местного падежа ср.р. встретилась только одна, *оу ѣлованыи*, но в памятниках со следами аналогичных процессов ожидается именно такое распределение форм.

³¹ В этом случае у нас в реконструированном протографе сохраняется рифма-аллитерация *горѣ' – на синѣ' морѣ'*; с другой стороны, бесполезно изменять *въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецькыя* на *въ поли*: рифмовка с *земли* все равно недостижима, ввиду очевидной конечной ударности *земли'* и ударения на предлоге в *въ' полѣ'*.

			1229 В	
Вин. множ.	<i>соуды</i> 1229 АС, <i>волосы</i> 1229 DE, <i>розбоиники</i> 1223, <i>вѣкы</i> 1229 DE (2), <i>прощеники</i> 1150		<i>моуже</i> 1229 DE, <i>про моуже</i> 1223	<i>на немчичи</i> 1229 DE
Женский род				
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	«Правильно»	«Неправильно»	«Правильно»	«Неправильно»
Род. ед.	только -ы		<i>бце</i> 1229 АСDE, <i>воле/ь</i> 1223, 1229 АС, <i>вѣкъше</i> 1229 DE (2), <i>земле/ь</i> 1223, 1229 АС, <i>соудье</i> 1223, <i>блядне</i> 1229 DE	<i>оу бци</i> 1229В, <i>воли</i> 1229В, <i>земли</i> 1229 В, <i>продажи</i> 1150
Дат. ед.	-ѣ	<i>по млтвы</i> 1150	только -и	
Местн. ед.	-ѣ	<i>оу Вилни</i> 1386	только -и	
Им. -вин. множ.	-ы		<i>роукавицѣ</i> 1229 АСDE	<i>роукавици</i> 1229В, <i>лисици</i> 1150 (3), <i>тяжи</i> 1150

Формы на *-и* в им. множ. слов на *-яне* рано фиксируются в Успенском сборнике (XII-XIII вв., ИГДРЯ I, 111), но встречаются редко. Нет их и в Смоленских грамотах. По современным говорам такие формы представлены, напротив, весьма широко; их изоглоссу³² можно с некоторыми натяжками определить как "общезападную" (западнее 36° в.д., см. ДАРЯ вып.2, Морфология, карта 26). Не имея возможности аргументированно отклонить, оставляем форму *курани* в реконструкции.

В «Слове» встречен один надежный пример окончания *-ы* вместо *-а* в вин.мн. ср.рода *озеры* (и, возможно, еще им.мн. *забрали* – если это не женский род). А. А. Зализняк рассматривает его как позднюю северо-западную диалектную черту, исключаящую Новгород. Действительно, она часто встречается в псковских текстах, но наиболее ранняя известная мне форма – *ребры* в новгородском Юридическом сборнике XIV в. (как раз в том, что содержит список F смоленской грамоты 1229 г.). Современные смоленские говоры входят в зону распространения этой формы (Расторгуев 107), хотя в ранних Смоленских грамотах таких форм нет. Но из реконструкции мы эти формы изгоняем, т.к. они, похоже, все-таки появились значительно позже XII в. (Соболевский – Лекции 211 – приводит как самую раннюю форму *числы* – Пчела нач. XV в.)³³. С соответствующими формами прилагательных, появившимися на основе этого окончания в именном склонении (в «Слове» – *копия харалужныя*), мы поступаем по аналогии.

По-видимому, принадлежность переписчика XVI в. – нарушения в употреблении звательного падежа (два случая: *ни тебѣ чьрныи воронъ поганыйи половъчине* 153; *и тебѣ тьмутораканьскыи*³⁴ *бълванъ* 112; в первом случае еще можно предположить, что *воронъ* выступает в качестве приложения при *половчине* и потому не принимает звательного падежа, но второй в реконструкции мы уверенно исправляем на *бълване*). И того же происхождения – замена двойственного числа на множественное (СПИВЛ 41): *въсплескала лебедиными крылы* 278, в протографе должно было быть *лебединыма крылома*; также *самаю* 369 вместо *самою* (объяснение формы см. у Л. А. Булаховского: контаминированное окончание). Неоднозначен случай *въ злата стремя* 457: обычно правят на *стремени*. Так выглядел бы нормальный винительный двойственного от существительного среднего рода *стрема* и согласованного с ним прилагательного

³² То есть зону распространения.

³³ В прилагательных среднего рода окончание *-ы* в им.-вин. падеже множ.ч. появляется с XII в. – см. ИГДРЯ I 170-171, но это, скорее, особое явление (см. объяснение там же); для существительных же, кажется, правильна датировка второй половиной XIV в., см. там же, с. 189.

³⁴ *Тьмутораканский* издания – скорее, ошибка-предвосхищение.

среднего рода *злато*, если учесть особенности двойственного среднего рода о-склонения, указанные в Зализняк 38, 344, – или от существительного мужского рода і-склонения *стремь* и согласованного с ним прилагательного мужского рода (ср. подлѣ твои *стремь* Ипатьевская Летопись, лето 6660, см. Срезн. III 566). Принимая такое чтение, мы правим окончание существительного с -ь, зафиксированного в Первоиздании и Ек., на -и. Можно, однако, считать, что словосочетание *въ злать стремь* стояло в единственном числе, и править окончание прилагательного с -а на -ь, считая -а случайной опiskeй под влиянием предыдущего слога. Обе предполагаемые описки могли принадлежать переписчикам и XVIII, и XVI века.

Поути имъ вѣдоми 91: форма им.множ. от мужского і-склонения, этимологически правильно было бы *поутие*, однако и *поути*, видимо, возможно уже для XII века (под влиянием смешения с винительным падежом, им. падежа женского варианта, а также мягкого варианта мужского рода двухвариантного склонения: *ночи, кони*). Во всяком случае, в новгородской берестяной грамоте 531 (кон. XII в.) 3 раза *люди*. То же касается формы *звери* (*звѣри кровь полизаша 553*)³⁵.

4. Явления в склонении полных прилагательных.

Вот встретившиеся в «Слове» формы прилагательных, существенные для демонстрации того, какие исторические процессы могли проходить в языке памятника.

Формы	Прилагательные, мужской и средний род			
	Твердый вариант		Мягкий вариант	
	Адъективные	Местоименные/ перестроенные	Адъективные	Местоименные/ перестроенные
Род.ед.	старого 34, 733, ратнаго 37, великаго 47, (661), (половецкаго 55), старого (59), 594, другаго 157, (великаго 164, 169), кроваваго 264, (храбраго 292), 500, (поганаго 326), рускаго 339, сильнаго 442, богатаго 442, киевскаго 558, малаго 661	(половецкаго 55 Ек.), (старого 59 Ек.), (великаго 164, 169, 661 Ек.), (храбраго 292 Ек.), (поганаго 326 Ек.), поганаго 476	нынѣшн яго 34	
местн.ед.	златовръсѣмъ 354, жестоцѣмъ 407, 612, златокованнѣмъ 464	сѣдьмомъ 552, Половецкомъ 730	синѣмъ 279	(или синемъ?)
Им. множ.	тїи 418, храбрїи 183, 265, поганїи 287, 310, (желѣзнїи 487 по Ек.), друзїи 599	оварьскїя 194 сѣбрьи 97, храбрьи 503, желѣзнїи 487, златїи 141		
Вин. множ.	половѣцкїя 133, 167, бръзїя 49, храбрья 174, поганья 133, 547, на поганья 281, 752, чръленья 121, драгья 137, на храбрья 174, Рускїя 181, литовьскїя 525	бръзїи 84, подъ тїи 493, харалужнїи 493		вѣщїя 29
Женский род				
Род.ед.	милья 200, краснїя 201, половецкїя 338, у святїя 581	половецкїи 247, 551, рускїи 308, которїи 20; половецкой 665, быстрой 263		сицеи 240, изъ дѣднеи 545
Дат.ед.	святѣи 227, 743 ³⁶ , сребренеи 410	по руской 233, 251, 294, 306, 380, руской 591, 685		пирогощеи 743
Им.множ.	кровавья 158, чрънїя 159, половецкїя 192, поганья 192, каленья 243, рускїя 297, готскїя 388, краснїя 388	ляцкїи 511, городеньскїи 541, половецкїи 667		синїи 160
Вин.множ.	краснїя 135, половецкїя 135, кровавья 611, каменнїя 632	на живая 30 угорскїи 465		

³⁵ Материал Смоленских грамот здесь чрезвычайно мал: 2 раза *людье*, 2 раза *людие*, 1 раз *дѣти* (Ив. Ал., поздний список).

³⁶ В СПИВЛ 91 ошибка: в Ек. не *святои*, а также *святѣи*.

Инновации, появляющиеся в окончаниях прилагательных, обусловлены двумя типами процессов: взаимодействием адъективного и местоименного склонений и взаимовлиянием мягкого и твердого вариантов склонения.

Что касается родительного падежа единственного числа мужского рода, то показания памятников относительно хронологизации окончаний расходятся. В новгородских берестяных грамотах (см. ДНД 120), адъективное окончание *-аго* заменяется местоименным *-ого* только со второй пол. XIII в.; в единственном примере из берестяной смоленско-полоцкой грамоты сер. XII в. – *-аго*. В пергаменных смоленских грамотах XIII в. (в том числе в первой половине) только *-ого*; два примера *-аго* – из грамоты 1150 г., которая, впрочем, известна в списке XVI в. и проявляет многие поздние особенности, и грамоты Юрия Святого (1386 г.); здесь возможны эффекты второго южнославянского влияния). С другой стороны, часть исследователей проецирует окончание *-ого* вообще на позднепраславянский уровень (поскольку они встречаются и в других славянских языках, см. Дурново 245), и считает, что окончание *-аго* в древнейших текстах обусловлено влиянием церковнославянской орфографии. Написание *-аго* является также нормой гражданской орфографии, так что часть таких написаний может быть следствием ошибки переписчиков XVIII в.; колебания между Ек. и Первоизданием (при том, что у человека конца XVIII в. не было никаких причин написать *-ого* вместо *аго* в источнике) свидетельствуют в пользу последней гипотезы. Итак, скорее всего, в тексте XVI в. были колебания *-аго/-ого*, но установить, какие формы были в протографе, невозможно. *-Аго* ранних берестяных грамот может быть и специфической характеристикой новгородского диалекта. Все же, ориентируясь на показания берестяных грамот, мы восстанавливаем *-аго*, что по большей части соответствует принципу минимальной правки, хотя может быть и результатом копирования.

В формах род. ед. жен. обращает на себя внимание тенденция к замене этимологически правильной формы местоименного члена *-ѣ* (в церковнославянизированной форме *-я*) на *-и*; эта замена происходит и в окончаниях адъективного типа (*половецкыи* 247, 551, *рускыи* 308, *которыи* 20), и в перестроенных окончаниях местоименного типа (*половецкою*, *быстрои*, *сицеи*, *изъ дѣднеи*). Это, очевидно, тот же самый процесс, что замена на *-и* окончания род.ед. *-ѣ* в мягком варианте а-склонения существительных. Такие формы существительных фиксируются, хотя довольно редки, в ранних берестяных новгородских грамотах (ДНД 97) и имеются в ранних смоленских грамотах (см. выше). В прилагательных в раннем Новгороде появляется адъективное *-ѣи* с XI в. (в соответствии с род.пад. существительного не на *-ы*, а на *-ѣ*) и местоименное *-ои* с XIV в.. Но ср. Вопросание Кирика (1130–56 гг., в списке 1280-х гг.) *изъ нѣкоторои* (Дурново 275). В ранних смоленских грамотах подобных окончаний не встречено (единственный пример – *тыи* 1150 г., копия XV в.), но, вообще-то, их вполне естественно ожидать на основании процессов, проходивших в именном склонении. А. А. Зализняк полагает, что окончание *-ыи* можно связывать с современным ареалом такого окончания (*у старый бабы*) в северовосточных белорусских говорах, а также в псковских и смоленских (ДАРЯ Морфология, карта 42); встречается оно и в Ипатьевской летописи; таким образом, оно (и «местоименное» окончание *-ои*, *-еи*) с равным успехом может характеризовать как протограф, так и копию XV–XVI в. Мы восстанавливаем в реконструированном тексте архаическую форму, но это условное решение.

В дат. ед. жен. рода за частью форм вида *роускои* в принципе может скрываться форма *роускѣи*, без палатализации сочетания *-ск-*, как это свойственно, по-видимому, языку "Слова" и Смоленских грамот (см. ниже). С другой стороны, "местоименные"

формы на *-ои* имеются в Смол., и в новгородских памятниках надежно зафиксированы с начала XIII в. (ДНД 122), так что и *-ои* в протографе для этих форм вполне возможно. Условно в реконструкции оставлено *-ои*.

Формы множественного числа мужского рода демонстрируют смешение именительного и винительного падежей (как и в именном склонении), благодаря чему, в частности, появляются формы на *-ьи* (ср. также вин. пад. *своѣ въѣциѣ прѣсты* – и у Кирилла Туровского (1130-1182 гг.): *суциѣ со мною братѣѣ*). Формы на *-ии* отмечены в Новгороде в берестяных грамотах с 1187 г., на *-ьи* – с XIII в. (НПЛ), тогда же отмечается смешение им. и вин. падежей. Ср. Пандекты Никона Черногорца (1296г., Новгород или Псков) *мирскии есмы* Лекции 197. Явно в связи с этими формами появляется *-ьи* в множ.ч. женского рода (т.е. и здесь в адъективном склонении следы тех же процессов, что в именном). Если мы спроецируем эти формы в протограф, они окажутся древнейшими встречаемостями, но совсем ненамного удревят соответствующие процессы. Решение нельзя принять и на основании «поэтической ценности» форм, поскольку фонетически они очень мало различаются.

Примечание. А. А. Зализняк (СПИВЛ 90-91) предлагает следующее решение. Он проводит статистический анализ распределения «инновационных» окончаний по тексту и делает выводы, подобные случаю с *кы, зы, хы*, то есть, что встречаемость инновационных окончаний повышается к концу, и следовательно, это могут быть ошибки, сделанные утомившимся переписчиком. Заметим, что при распределении старых и инновационных окончаний в адъективном склонении А. А. Зализняк объединяет инновации, возникающие вследствие разных языковых явлений. Большая часть инновационных окончаний – это местоименные флексии, вытесняющие в древнерусском старые адъективные. Не такого происхождения окончания им. множ.муж. *-ьи, -ья* (в противоположность старым *-ии*; у Зализняка пропущено еще *златыи* 141) – это просто окончания вин.пад., употребленные вместо именительного (аналогичную, то есть образовавшуюся за счет внутрипарадигменных процессов, а не заменой именных окончаний на местоименные, смену в род. жен. ед. *-ья* на *-ьи* А. А. Зализняк в этом подсчете называет незначительной модификацией и сплошь причисляет к старым окончаниям, а ниже, на с. 100, считает поздней диалектной особенностью, характерной для белорусских и псковских говоров). Продублировав его подсчеты на более полном материале, получаем вместо таблицы на с. 91:

Звенья	Процент новых окончаний
1-134 (1-487)	20 из 68 = 29% 26 = 38
135-183 (488-651)	7 из 17 = 40%
184-218 (652-754)	5 из 9 = 56% (или в сумме по 2-й половине 64%)

Статистика, как и у А.А.Зализняка, показывает стабильное повышение доли инновационных форм к концу второй половины текста.

Мы все же восстанавливаем архаические окончания в реконструируемом тексте, хотя имеем мало оснований полагать, что формы отсутствовали в живой речи за сорок лет до первой письменной фиксации.

Ср. материал по прилагательным в смоленских грамотах:

	Адъективное склонение	Местоименное склонение
Род.ед.муж .	роускаг(о) 1150 шестаго Юр.Св.	витебского 1229В, витьбского 1229С, витьбеского 1229А, вольного 1223, 1229 А, 1229 Е, волного 1229 DF, городского 1223, готьского 1229 ABCDEF, друого 1223, 1229 ABC, дѣцкогго 1229ABCDEF, латиньского 1229 ABC, лоучьшего 1229 ABC, немецьского 1229 В, полотьского 1229 ABC, роуского 1150, стого 1150, смоленьского 1229 ABCD, того 1229 ABCDE, 1223
Дат.ед.муж .		волоцьскомуу 1229 D, волоцьскомуу 1229 Е, волоцькомуу 1229 F, вѣсточномуу 1229 DE, вѣсточнѣму 1229F, горячемоу 1229 ABC, дѣтьскомуу 1229 ABC, латиньскомуу 1229 ABC, немецьскомуу 1223, 1229 DE, роуцьскомуу 1229 BDE, 1223, смолѣньскомуу 1223
Местн.ед.	блгговѣрнем 1150, хтолюбивемъ 1150	на готьскомѣ/ь 1223, 1229 ABCDEF, въ немецьскомѣ

муж.		1229 DE, рижскомъ 1229 DE, томъ 1229 ABCDE
Твор.ед. муж.	блгороднымъ 1150, с великимъ Юрсв., готскимъ 1229 ABC, латинскимъ 1229 ABC, литовскимъ Юрсв., полоцкимъ Юрсв., полскимъ Юрсв., рижскимъ 1223, 1229В, ризкимъ 1229 АС, рускимъ 1229 ABC, Юрсв., тымъ Юрсв., хтлюбивымъ 1150	тѣмъ 1229 ADE
Род.ед.жен	тыи 1150	волное 1223, латинское 1229 С, стое 1229 ABCDE, смоленское 1150, оное 1229 В, тое Юрсв.
Дат.-местн. ед.жен.	стѣи Ив.Ал, 1150, У велицѣи 1150, в ветьскеи 1150 (топоним), гостиней 1150	по бесъсудной 1229F, витьбьской 1229 DE, по полотьской 1229 ED, смоленской 1229 ABCDE, въ витебьской 1229F, латиньской 1229 АВ, немецьской 1229 ED, русьской 1229 ABC, рижьской 1229 DE, оной 1150, той 1229 ABCDE
Им. множ.	дѣбрии 1229 ABCDE, короткии 1150	
Вин. множ.	серебряные (2) 1229 С, готские 1229 ED	

Еще одной формой, исключаящей Новгород из возможных районов Северо-Запада, где могла быть в XV–XVI веке сделана копия «Слова», А. А. Зализняк считает (СПИВЛ 100) окончание творительного единственного женского адъективного склонения *-ю* (*преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ*). Такие окончания, вместе с окончанием дат.-местн. *-уй*, действительно встречаются в южнопсковских, смоленских и некоторых других среднерусских говорах. Но и на территории современных северозападных говоров они представлены – по течению Шелоны севернее Холма, по Ловати севернее Порхова и в районе Чудского озера. Надо сказать, что это приблизительно те же точки, где обнаруживаются в точечном распространении как раз те языковые особенности, которые могли бы восходить к древнему новгородскому диалекту, представленному в берестяных грамотах (историко-диалектологической проблемой является тот факт, что эти особенности лучше представлены на более южных территориях). Опять же, древнейшая известная мне встречаемость подобной формы – *по суднуи грамотѣ* в упоминавшемся Новгородском юридическом сборнике сер. XIV в. Из реконструкции мы все же эту форму изгоняем как слишком позднюю (а аллитерация *преднюю – заднюю*, в общем, не хуже, чем *преднюю – заднюю*). Еще несколько нуждающихся в правке форм: *на живая строуны 30* – характерная гиперкорректная ошибка переписчика XVI в. (см. СПИВЛ 86), следует читать *живыѣ. Въ княжихъ крамолахъ 231* – следует читать либо *в княжахъ* (по именному склонению: видимо, позднее смешение рода), либо *в княжьихъ*; о последнем типе форм см. ДНД 124 (*робьихъ*).

5. Личные местоимения.

Здесь нас интересуют только формы дат. *тебѣ, себѣ*, регулярно проведенные в результирующем тексте «Слова», – в сравнении с архаичными древнерусскими *тобѣ, собѣ* (один раз, строка 509) – которые практически регулярно употребляются в древнерусских нецерковных памятниках разного происхождения до XVII века, в то время как формы *тебѣ, себѣ* в ранний древнерусский период встречаются только в памятниках церковного содержания и рассматриваются как церковнославянизмы (Дурново 241, 273). В более поздних текстах они встречаются как результат второго южнославянского влияния. Исходя из этих соображений, мы сочли все формы *тебѣ, себѣ* в «Слове» принадлежащими рукописи XVI в. и исправили их в реконструкции на *тобѣ, собѣ*. В современных смоленских говорах форма *собе* хорошо представлена (Расторгуев, 110).

6. «Разносклоняемое».

Аналогическое *-ян-* вместо *-ен-* встречено в контексте *о руская земле уже за шеломянемъ еси*. Такие формы в Новгороде в берестяных грамотах появляются со второй половины XIV в., см. ДНД 117, в XV в. встречаются уже на разных территориях (Дурново 271). Как позднее явление, исключается из реконструкции. **Относительно времени подобного явления в области словообразования (въ пламянѣ розѣ, д.б. *пламеньнѣ) данных нет.**

7. Перфект

Описывая употребление перфекта в «Слове», А. А. Зализняк приходит к выводу, что часть употреблений восходит к протографу, а часть – результат действий переписчика XV–XVI вв. К последним он готов относить случаи, когда перфект употребляется безразлично с аористом, поскольку такой узус обычен с XV в., но, по-видимому, не представлен в древности (СПИВЛ 80-82), соответственно, мы должны были бы при реконструкции заменить часть форм перфекта на формы аориста. Если обратиться к работе ДНД, то там, напротив, при обсуждении употребления прошедших времен (173-174) говорится следующее: «Материал берестяных грамот показывает, что с самого начала письменной эпохи в живой речи господствующей формой прошедшего времени был прежний перфект. <...> Перфект <...> свободно употребляется <...> в семантических контекстах, которые в системах, содержащих аорист, максимально благоприятствуют употреблению аориста». Случаи употребления имперфекта и аориста в грамотах отнесены к влиянию книжного языка. Между тем в летописях, в том числе новгородских, употребление перфекта и аориста хорошо различается. Предлагается следующее объяснение: «Аорист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснен в сферу пассивного знания: в обыденной устной речи он уже не употреблялся – его заменил перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени. Однако носители языка все еще без труда понимали аористы при чтении или слушании читаемого текста и правильно их употребляли, когда писали летописный или официальный текст». Если предположить, что ситуация была таковой не только в Новгороде, но и на других территориях древней Руси, то соотношение употреблений аориста и перфекта зависит прежде всего от степени «книжности» языка «Слова», каковую нельзя определить императивно, но, в частности, из этого следует, что в XII веке вполне мог существовать светский текст (особенно если учесть, что «Слово» – единственный известный представитель своего жанра) с точно таким употреблением аористов и перфектов, как в «Слове». Мы оставляем в реконструкции глагольные формы неизменными.

8. Неясно, насколько поздним следует считать отвердение *с* в частице *ся* (*врѣжеса дивь*). В современных говорах это главным образом восточная (владимирско-поволжская) черта (см. ДАРЯ Морфология, карта 106); на других территориях отвердение наблюдается только после глагольных *-т* и *-л*; ср., впрочем, случай в новгородской надписи XIII в. *молитеса* (СПИВЛ 97; согласно Лекции 139, отвердение *ся* отмечено с XIV в.). Если, исходя из этой формы, счесть, что в протографе было представлено отвердение, выясняется любопытная вещь относительно его позиций. Вот две группы случаев – когда по аллитерационным соображениям (НВ: со слоговым произношением еров) лучше было бы иметь форму с отверждением, и когда по ним же лучше было бы иметь форму с мягким *ся*:

1) *тоу с▲ сабл▲мь потроучати, моужаиме с▲ сами, задьнюю с▲ сами подѣлимь*, менее уверенно – *вѣци челоуѣкомь съкратиши▲*.

2) *свѣтитьс▲ на небесѣ, вьютьс▲ голоси*

Оказывается, что мягкость *ся* сохраняется после *-ть*, что может быть связано с

передним характером предшествующего гласного, или с мягкостью *-m-*. Мы не рискнули последовательно провести в реконструкции отвердения *ся* согласно этому распределению, но его, видимо, следует учитывать.

IV. По снятии наслоений XVIII и XV–XVI веков мы получили, по-видимому, текст с графико-орфографическими особенностями, указывающими на смоленско-полоцкую принадлежность XII–XIII вв. Почему смоленско-полоцкую? Потому что (см. и ср. СПИВЛ 94-103) а) по выше указанным диалектным особенностям очевидно, что диалект западно-русский, причем псковский или смоленско-полоцкий, б) судя по форме *чепи*, а не *кепи*, это не диалект псковских кривичей (если бы в протографе были *кепи*, псковский или белорусский переписчик XVI в. вряд ли дал бы правильный перевод, причем в диалектной, а не в литературной форме – с чоканьем)³⁷; кроме того, как уже говорилось, своеобразно, но последовательно проходит вторая палатализация (не палатализуется сочетание *-ск-*, см. склонение, а также форму *поскепаны*)³⁸; в) (вопреки СПИВЛ 96), шоканье, которое, возможно, проявляется в *шизый*, может быть не только псковским, но и смоленским – ср. положение в современных диалектах (Расторгуев 75–76), также есть примеры в смоленских грамотах (*оу зьльза, лѣзить* 1229 С – первой пол. XIV в.); в псковских памятниках отмечается с XIV в. (Дурново 194), в новгородских берестяных грамотах – с XI–XII вв. изредка (ДНД 52).

Ранняя датировка текста поддерживается прежде всего его графическими особенностями, явственно указывающими на раннюю «бытовую орфографию», которая практически выходит из употребления позже XIV в. Это общее для Смоленска и Новгорода графическое правило «*е, ъ, ѣ > е, ъ, ѣ* безразлично», а также характерное для Новгорода, и для Смоленска – см. выше – «*о, ъ > о, ъ* безразлично». Здесь также довольно свободно смешиваются *ь* и *ъ* слабые. Замены *е* на *ь*, *ь* на *е*, *ѣ* на *ь* и *ь* на *ѣ* (не обусловленные фонетически) были рассмотрены выше. Особого рассмотрения заслуживает ятевая ситуация в тексте. Памятник не знает фонетического смещения *ѣ* и *и* (*дивицу* – обычная описка-предвосхищение). В то же время имеется некоторое количество написаний *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* (список см. в СПИВЛ 96–97, исключая случаи написаний *ѣ* вместо *ь*; обратим внимание на частую замену на *-ѣ* в конечной позиции; возможно также, что часть замен была снята при издании (в соответствии с орфографией XVIII в., ср. *възлѣлѣяни* и *залѣтѣло* Ек.). В принципе это может, как и указывает А. А. Зализняк, говорить о фонетическом смещении *ѣ* и *е* и, соответственно, быть поздним явлением. Однако, ввиду других орфографических особенностей, кажется естественным отнести и это на счет ранней бытовой орфографии. Ср. ятевую ситуацию в Смоленской грамоте 1229А.

1) *е* → *ѣ* в корне: *оу зѣмли, зѣмледѣрѣци, оу погрѣбѣ, прѣвѣсти, вѣсти, лѣжить*; в окончаниях 3 ед. наст. вр.: *боудѣте, останѣть ся, едѣть, приедѣть, придѣть, идѣть* (ср. 1223 *боудѣть, поидѣть, оурѣвѣть*); в окончании дат. ед. муж. мест. скл.: *всѣмоу*; местн. ед. жен. мест. скл.: *на нѣи*; в префиксе: *нѣ*; 2 множ. наст. вр.: *дѣетѣ*; вин. ед. ср. о-скл.: *на полѣ*; в окончании сравнит. степени: *болѣ*.

2) *ѣ* → *е* в корне: *немчиноу, векии, вѣсятѣ, ехати, приедѣть*; в окончании местн., дат. ед. а-скл.: *оу ризе, [по] воде, на горе, жене*; местн. ед. муж. о-скл.: *на берѣзе, на березе, оу смолѣнеске, оу смольнеске, оу смольнеске*; род. ед. *оу святое богородице, из ѣное*; дат. множ. мест. скл.: *всемѣ*; род. множ. мест. скл.: *инехѣ, всехо*; твор. множ. мест. скл.: *всеми*; род. ед. ср. мест. скл.: *сее*; местн. ед. Adj.-скл.: *одѣнемѣ*; вин. множ. муж. Adj.-скл.: *серебреные*; неизм. слово: *надобе*.

Налицо разительные совпадения с ситуацией в «Слове», в том числе ср. частую замену конечного *-ѣ*. Ср. также в надписи на кресте Евфросиньи Полоцкой: *камѣнье, изнесѣться*³⁹, *нѣ*. Соответственно, в реконструируемом тексте мы не правим такие

³⁷ Кроме того, отсутствует характерное псковское явление *дѣжгу*, в тексте стоит *дождю*; но как замечает А.А.Зализняк, отсутствие каких-либо явлений не очень надежно, в связи с небольшим размером памятника.

³⁸ Ср. в Смоленских говорах в начале XX в. *в гаро'си* 'в горохе', *на даро'зи* 'на дороге' Расторгуев 80.

³⁹ Эти два случая принято объяснять как галицко-волынское сужение *е* в новозакрытом слоге.

замены на этимологически правильные гласные, считая их важной характеристикой графического облика памятника.

Интересно рассмотреть отражение в памятнике т.наз. «напряженных еров» – сочетаний **ьj* и **ьj*. Наблюдается четыре способа отражения:

а) *братие* 2, 196, 272, 304, *повѣстии* 4, *по замышлению* 9, *вѣщи* 10, *мыслию* 13, *которыи* 20, *сию* 33, 35, *братие* 46, 49, *знамение* 52, *копие* 54, *соловию* 59, *славлю* 61, *свѣтлыи* 81, *копия* 90, 245, *поморию и посоудию* 110, *славии* 127, *строужие* 145, *мълнии* 161, *копиемъ* 165, *софии* 227, *троупия* 236, *оуѣдие* 238, *зараня* 241, *кровию* 249, *къ полоудънию* 260, *грозьнии великыи кыевьскыи* 318, *кощиево* 341, *веселие* 343, *веселия* 394, *великыи* 395, *пролясте* 405, *пособие* 431, *великыи* 437, *мыслию* 438, *листвие* 497, *жеребии* 508, 553, *насилие* 550, *строужиемъ* 557, *съмысленыи* 587, *божия* 590, *копия* 601, *веселие* 625, *по ковылю* 626, *мыслию* 660, *къ тростию* 669, *величия* 683, *нелюбия* 684, *веселия* 685, *величия* 687, *сѣнию* 692, *соловии* 716.

б) *оузорочьи* 141, *поляна* 249, *бья* 291, [*кѣнажъе*] 431, *вьяляти* 441, *галичкы* 462 (очевидно, поздняя запись вместо раннего *галичкы* или *галичкы*).

в) *лебедѣи* 19, 28.

г) *вѣщеи* 73, 585, *кощеи* 444, *кощя* 476⁴⁰, *софеи* 581, *кѣназеи* 593.

Первый, самый многочисленный, способ, конечно, может в значительной степени быть симптомом второго южнославянского влияния, может отражать архаическое церковнославянское написание, а может – и западно-русскую фонетику памятника. Запись рефлекса сочетания через *-ѣи* и через *-еи* может, ввиду вышеизложенного, оказаться равнозначной.

Ср. поведение еров в сочетании с *j* в Смоленске и Новгороде по грамоте 1229 г.:

Нормализация	Морфонологическая запись	Смоленские списки	Новгородский список («F»)
жеребии (вин. ед.)	žereb.ьj.ь	жеребѣи А, жеребии BDE, жеребие С	жеребьи
людии (род. множ.)	l'ud.ьj.ь	людѣи А, людии AB-CDE	людии
людье (им. множ.)	l'ud.ьj.e	людие AC, людье B	-----
сеи (им. ед. муж.)	s.ьj.ь	сеи ABC	-----
днии (род. множ.)	dъn.ьj.ь	днии ABC	-----

В свете этих данных кажется, что ближе всего к фонетике древнего говора запись *-ѣи*, отражающая закрытое произношение гласного перед *j* в этом сочетании; запись *еи* отражает графическую замену *ѣ* на *е*. Не имея возможности, однако, точно смоделировать поведение писца при написании *-ии*, мы оставляем в реконструированном тексте имеющиеся написания.

Одиночный случай перехода *е* в *'о* после шипящего – *чолка* – как будто также может восходить к раннему протографу. Ср. в Новгороде – с середины XII в. (ДНД 69); в смоленских грамотах также довольно употребительно (*жона* 1229 D – ок. 1270 г.). Впрочем, в реконструкции восстановлено архаическое *челька* ради аллитерации с *чърлена*.

Орфография гласных после шипящих и *ц*, скорее всего, не имеет отношения к реальным фонетическим характеристикам шипящих, но в отдельных писцовых школах она обычно довольно унифицирована, так что на ее основании даже пытаются определять локализацию памятников. Так, существует мнение, что на XIV век

⁴⁰ А.А.Зализняк (с. 97) полагает, что колебания в написании *кощеи*, *кощии*, *кощѣи* связаны с неустойчивым отражением конечного гласного в заимствованном слове (тюрк. *кош-чи*, букв. «кошевой»). Это, скорее всего, не так. Славянские заимствования тюркских слов с суффиксом деятеля *-чи*, напротив, вполне регулярно передают в нем гласный *-и* сочетанием **ьj*, которое дальше по славянским диалектам отражается вполне закономерно – ср. восточнорусское *казначей*, *зурначей*, *книгочей* при старославянском *книгочий*.

московские памятники характеризует написание *ча, ца – чю, цю*, псковские – *ча, ца, чю/чу, цю/цу*, а галицко-волыньские – *чя, ця, чю, цю*. В дошедшем до нас тексте «Слова» употребление букв беспорядочное, но может быть интерпретировано как сбитая церковнославянским способом написания смоленская орфография. Ср., например, в грамоте 1223: *немъчичю 4, немѣчичю, нѣмъчицю 2, немъчицю 6, по лицу, задъницю, ся тяжють и притъча, немъчица, нѣмъчица, тяжахъ, немъчича, соуличами, тяжа 4, прашати, поущати, слышати, княжа, доконьчалъ. И так, графическое распределение *а/я* и *оу/ю* после шипящих и *ц* унифицировано в реконструкции по смоленскому типу (*а, ю*).*

Проблема полногласия-неполногласия. Если говорить о «языковом составе» первоначального текста, то он, несомненно, содержит как формы, характерные для местного диалекта, так и церковнославянизмы. Я не сторонник гипотетического «древнерусского стандарта», или «наддиалектного древнерусского», предполагаемого А. А. Зализняком и Б. А. Успенским – по-моему, нет серьезных доказательств в пользу существования такой нормы в XII–XIII веках. Зато тогда определенно существовал стандартный церковнославянский русского извода – то есть церковнославянский, в котором прошли восточно-славянские адаптирующие фонетические преобразования типа падения носовых юсов, нужные для того, чтобы при чтении не напрягаться специально, изображая чужие звуки. Наибольшее сходство такая ситуация обнаруживает с организацией текста, например, в НПЛ – когда автор, доходя до чего-то особенно трогательного, поучительного или просто вызывающего реминисценции каких-то литературных (следовательно, церковнославянских) цитат, впускает в текст целый кусочек или несколько отдельных слов с церковнославянскими признаками, причем часто не сразу может перейти с этого способа выражаться обратно на обыденный язык. Автор «Слова», несомненно, не менее литературно образован, чем автор НПЛ (ср. многочисленные свидетельства в комментарии к переводу). Отсюда возникает ряд вариантов решений, которые относятся, скорее, к фонетике протографа, чем к графике. Так, в ряде случаев в тексте «Слова» записаны неполногласные сочетания. В протографе каждое из них (поскольку нет формально жесткого способа решить, не пошел ли в каждом данном случае автор на церковнославянизм) могло быть как неполногласным (церковнославянским – маркированно литературным, а может быть, выбранным по ритмическим или аллитерационным соображениям), так и полногласным (выбор по аналогичным соображениям). Здесь единственный способ выбора – не лингвистический, и я полностью полагаюсь на решения А. Ю. Чернова. Отмечу, что это – единственный случай, в котором авторы реконструкции могли волевым образом воздействовать на слоговую структуру текста. Соответствующие написания в тексте «Слова» образуют три группы: а) основы с единообразным полногласием: *бологомъ 496, 571; болони 358; болотомъ 140, 520; всеволода 78, всеволодъ 79, всеволоде 185, 195, всеволожь 214, всеволода 257, всеволоде 437, всеволодъ 314, всеволоде 400, всеволодъ 505, всеволоде 748; велесовъ 73; наволокы 136, поволокоста 376; вережени 544; городеньскыи 541; ожерелие 539; дорогами 113; въ колоколы 581; королеви 467; половѣцькоюу 39, половецкаго 55, половеци 113, 179, половецкыѣ 133, 135, 167, 191, 338, половецькыми 141, половчине 153, половецкыи 247, 551, 667, половецкоюу 322, 402, 633, половецкыхъ 328, половеци 381, половецкыми 434, половеци 491, половецкои 655; полоненоу 48, полонила 362; наполомоу 221, наполомоу 346; полочаномъ 521; пороси 177; сорокы 707, 712; тьмоутораканьскыи 112⁴¹, тьмоутороканѣ 211, тьмоутороканѣ 365, тьмоутороканѣ 577; шеломомъ 58, шеломы 89, 167, 188, 194, 244, шеломы 441, 450,*

⁴¹ Запись *-ора-* - скорее всего, описка-предвосхищение.

452, 488, 510, 525, *шеломанемь* 123, 171, *шеломомь* 191, 366; – в этой группе крайне сомнительны инновации XV–XVI вв.; б) основы с единообразным неполногласием: *бремены* 469; *власти* 509; *облаки* 15, 62, 469, 622; *времени* 8, *времень* 17, *времени* 59, 63, *времена* 280, *времь* 391, *времени* 458, 733; *глаголють* 178; *новѣградѣ* 76, *града* 198, *градѣ* 211, 330, *градомь* 342, *града* 365, *гради* 499, *граду* 519, 556, *бѣлагада* 560, *новоуградоу* 563, *грады* 574, *гради* 744; *древу* 13, 61, *древа* 108, *древу* 270, 496, *древу* 692, *древу* 706; *здрави* 750; *жребии* 508, 553; *злать* 102, *злато* 136, *златымь* 191, *злата* 199, *злать* 210, *злата* 339, 341, 302, *златовьрсѣмь* 354, *злата* 364, *златомь* 390, *злато* 396, *злата* 439, *злачеными* 450, 452, *злата* 457, *златокованѣмь* 464, *злата* 473, *златыи* 510, *злато* 539, *злата* 558, *златоу* 657, *злачеными* 721; *крамолоу* 208, 286, 309, *крамолахъ* 231, *крамолами* 546; *съкратиша* 232; *прегородиша* 130, *прегородиша* 182, *преградиша* 183, *прелетѣти* 438, *ратаеве* 234; *среди* 247, *среть* 308; *странь* 180, 287, *страны* 489, 744; *стрежаше* 693; *чрес* 65, 69, *чрез* 469; в) основы с варьированием: *забрали* 342, *на забралѣ* 614, 643 – *на заборолѣ* 629; *брань* 504 – *на борони* 186; *на брезѣ* 263, 389, 570, *брезѣхъ* 690 – *березѣ* 701; *владимера* 34, *владимѣрь* 214, *владимира* 594, *владимиру* 749 – *володимирь* 435; *врани* 235, 354, 710 – *воронь* 153; *врата* 472, 563 – *ворота* 468, 512; *обратиша* 432 – *заворочаеть* 254; *главоу* 57, *главы* 492 – *головы* 191, 735, 736, *головами* 566; *гласъ* 603 – *голоси* 741; *загородите* 512, *прегородиша* 130, 182 – *преградиша* 183; *драгыѣ* 137 – *дорога* 196; *млада* 223 – *молодая* 374, *помолодити* 427, *молодымь* 746; *преди* 21, *предь* 25, *предьнюю* 424 – *на преди* 86; *славию* 61, *славию* 127 – *соловию* 59, *соловию* 716; *храброму* 23, *храбрыѣ* 38, 174, *храброму* 146, *храбрию* 183, 265, *храбра* 223, *храбрая* 406, 411, *храбраго* 500, *храбрыи* 503, *храбра* 539 – *хороброе* 148. В двух последних группах предположительно и переписчик XVI в., и переписчик XVIII в. могли часть ранее полногласных форм «славянизировать», превратив в неполногласные. Написание неполногласного сочетания *re* (не через *ять*) регулярно проведено в тексте, что соответствует правилам записи церковнославянизмов для позднего древнерусского; в ранних народных орфографиях и полногласные, и неполногласные сочетания могли писаться иначе (ср. Смол. 1229 А *бѣрьгь*, *бѣрьгомь*, *из бѣрьга*, *по бѣрьгоу*, *на бѣрьезѣ*, *дѣрьвьмь*, *по вѣрьмьнемь* *вѣрьмьнемь*; 1223 *бѣрьѣзе*, *берѣзѣ*, *дѣрьѣвьмь*, *на перѣдѣ*, *на пѣрьѣдѣ*), но мы условно оставляем запись Первоиздания.

Бесспорно могут быть ранними фонетические особенности, проявившиеся в орфографии (менее важные для поэтической реконструкции) – «цоканье» и «шеканье» – смоленско-полоцкие, выражающиеся в изредка встречающемся употреблении *ц* на месте этимологического *ч* и *ш* на месте восточно-славянского *с* (не только ли в ситуации второй палатализации? См. о современных говорах Расторгуев с. 75). Мне не кажется, что случаи «цоканья» в Слове можно отнести на счет поздней псковской копии (хотя, конечно, для Пскова это также характерное явление): этому противоречит форма с цоканьем *чепи* (псковск. *кѣпы*). Вот полный список форм, отражающих цоканье, в «Слове»: (*птичь* 105), *вѣчи* 203⁴², *сыновьчѣ* 399, *галичкѣи* 462, *чепи* 567, *лоучи* 649; *лоуце* 47, *роуцици* 56, 183, *венедици* 332, *словоутицю* 630. По СПИВЛ 92, написания распределяются по началу – концу текста (что предлагается считать следствием поведения переписчика) так: в первой половине около 2%, во второй около 4% – реально это 5 или 6 случаев в первой половине и 5 случаев во второй, что, конечно, статистически совершенно не значимо.

Слабый след смешения *в* и *оу* находят в *ущекоталь* (по смыслу естественнее было бы *въщекоталь* «воспел – о соловье»); соответствующая изоглосса в ДАРЯ вып.1 Фонетика, карта 59, относится к категории «общезападных» и отсекает всю

⁴² Конечно, никак нельзя по смыслу принимать здесь карамзинское *сѣчи*.

территорию, кроме северно-новгородской, к западу от 36° в.д. Хронологически такое смешение фиксируется довольно рано, ср. в Смол. 1229 А *оуздумаль князѣ смольнескыи*; в Новгороде – со второй половины XII в. (ДНД 81). Явление *вл' > л'*, которое можно усмотреть в написаниях *чърленыи*, отмечено в Новгороде с сер. XII в. (*цереленная* в Новг. берестяной грамоте сер. XII в., *ярослали* Синод., ДНД 76-77, СПИВЛ 96, Лекции 36), в смоленских грамотах не встретилось, но современное распространение явления – также «общезападное», так что можно счесть его относящимся к протографу (хотя оба этих явления с тем же успехом могут относиться и к диалекту псковского переписчика XV–XVI вв.).

Членные формы в местоименном склонении «Слова»: им. ед. муж. *тъи* 207, им. множ. муж. *тѣи* 418; 313 (возможно, это – вставка вместо старого двойственного), вин. множ. муж. *подъ тѣи мечи* 493, (*тѣя* нет, вопреки СПИВЛ 96), – также безусловно могут быть характеристикой раннего состояния. Ср. ранние встречаемости в памятниках: *тои прежде былъ, въ часъ тѣи* Синод.сп. НПЛ, первый почерк (XIII в.). *тѣю же* второй почерк. Современное распространение – см. ДАРЯ Морфология, карты 69, 70, 74, 75; изоглосса из разряда общезападных, причем вместе с новгородскими, т.е. территория западнее 36° в.д. Адъективные окончания в берестяных грамотах встречены с XII в. (*иноую* 9) ДНД 129; в прочих памятниках – с начала XIII в.: Смол. *тая* 1229 А, С, *тои* Юр. Св., *сюю* Юр.Св., *тои же* Апл. 1220 (Лекции 230).

Употребление двойственного числа в «Слове» детально проанализировано в работах Исаченко 1941, ИГДРЯ II 186-192 и СПИВЛ 37-42 и признано соответствующим в мельчайших деталях нормам II половины XII в. В частности, в новгородских грамотах этого периода появляется инновационная форма им.-вин. среднего рода дв.ч. на *-а*, совпадающая с им.-вин. муж. рода дв.ч., а также с им.-вин. ср.рода множ.ч. (в противоположность старой форме на *-ѣ*). В «Слове», соответственно, имеем *два солнца помѣркоста, ваю храбрая сердца ... скована, а ... закалена* и, возможно, также *стоупита господина въ злата стремен[и]*. Формы *скована* и *закалена*, таким образом, можно считать особенностями протографа. С другой стороны, восстановление для них архаичного двойственного *скованѣ* и *закаленѣ* дало бы рифму с *моеи съребренеи сѣдинѣ*. Кажется, все же можно допустить, что *скована* и *закалена* – позднейшая правка. Все примеры из новгородских берестяных грамот на XII–XIII вв. – *дѣва лѣта*, *2 лука*, *полотенеца со дова цереленая*, *2 клетѣща*; позже (с сер. XIII в.) такие формы фиксируются в других регионах; но в ряде случаев они рассогласованы между собой, ср. *два древа възрастоста; испадоста еи златѣи колци* Сильвестровский Сборник (2-я пол. XIV в.), *приимѣте крилѣ огня* Пролог 1383 г. (см. ИГДРЯ II 124, 147). Правда, как будто, иерархия заменяемых на множественное число форм такова, что наиболее часто заменяются спрягаемые глаголы, затем прилагательные и причастия, затем существительные. У нас рассматриваемые формы – как раз причастия в предикативной функции, так что для них вероятнее получить менее архаичную форму, чем существительному; но все же закономерность эта статистическая, ср. примеры, где именно глагол сохраняет двойств. число. В реконструкции восстановлено *скованѣ* и *закаленѣ* по эвфоническим соображениям⁴³.

Характеристикой раннего западного текста также могут быть повелительное наклонение I множ. на *-ме* (*мужаимѣся*) и имперфект на *-ть* (см. СПИВЛ 99, 101; окончание *-ме* известно в новгородских, псковских и смоленско-полоцких памятниках, см. Лекции 161). Как уже было упомянуто выше, большинство случаев окончания 3 л. *-ть* – следствие действий издателя по спуску титул. Все примеры с *-ть* сосредоточены в первых двух песнях: *помняшетъ, ржутъ, звенитъ, трубятъ, стоятъ, скачють*, таким

⁴³ *Тѣи бо два* 333 как позднюю правку, заменяем на *та бо дѣва*, см. СПИВЛ 41.

образом, возможно, представляя остаточное явление протографа (если исходить из модели усталого переписчика). Мы единообразно правим окончание 3 л. на *-ть*, хотя в принципе в предполагаемом диалекте могло присутствовать и *-тъ*. В раннем Новгороде отмечено только *-ть*, по-видимому, вообще в памятниках нецерковного письма пишется только *-ть* до второй половины XIV в. (написание *-тъ* в церковных памятниках может быть церковнославянизмом) – см. Дурново 308; но в раннем Смоленске твердый вариант, скорее всего, присутствует в XIII в. – при путанице конечных еров настораживают написания типа *отъидето*, которые не хотелось бы считать двойными графическими заменами, не отражающими никакой фонетической реальности. Похожим образом обстоит дело с окончаниями творительного на *-омь* (сохранены в результирующем тексте только *шеломь* (2), *затымь* Ек., мечемь Ек. на синемь Ек. за нимь Ек. болотомь Ек. волкомь (2) Ек. бологомь Ек. и *съ трудомь*), которые в реконструкции также единообразно выправлены в этимологически правильную сторону.

Основные выводы из вышеизложенного можно сформулировать так. А.А.Зализняк убедительно показал, что переписчик рукописи XVI в., скорее всего, был носителем псковско-кривичских диалектных особенностей. В то же время, особенности именного склонения и рефлексов второй палатализации в тексте показывают, что кроме диалектных явлений псковско-кривичского типа, присутствуют и диалектные явления другого типа, которые при этом могут датироваться как более ранние и в принципе могут быть отнесены к вероятному времени создания «Слова», т.е. к концу XII в. Особенности второй палатализации (регулярная палатализация заднеязычных, отсутствие палатализации сочетания *ск*) при наличии цоканья, скорее, говорят о полоцко-смоленском – также кривичском – диалекте раннего типа. Остальные диалектные явления, которые можно отнести к раннему слою, не противоречат такой локализации.

Я ни в коей мере не считаю, что даже те решения, которые были приняты выше с большой долей уверенности, являются абсолютно неоспоримыми. Но, по крайней мере, они принимались единообразно и по возможности на каждом шаге были аргументированы данными исторической и синхронной диалектологии, а также внутрисистемными параметрами текста.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

Булаховский – Булаховский Л. А. Избранные труды в пяти томах. Том третий. Славистика. Русский язык. Киев, 1983.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гринченко – Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Вып. I–III. М., 1986–1997.

ДНД – Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004.

Дурново — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Дыбо 1989 – Дыбо А. В. Деклинационные различия в новгородских диалектах XIII–XIV вв. // Балто-славянские исследования–1987. М., 1989.

Ек. – Екатерининская копия СПИ (см.: Симоны П. К. «Слово о полку Игореве» // Древности. Труды Моск. Археолог. Общества, XIII, № 2 [1890]. С. 34–46).

ИГРЯ 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

ИГДРЯ I – Иорданиди С.И., Крысько В.Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Том 1. Множественное число именного склонения. М., 2000.

- ИГДРЯ II – *О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько*. Историческая грамматика древнерусского языка. Том II. Двойственное число. М., 2001.
- Ипат. – Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Исаченко 1941 — *А.В. Исаченко*. Двойственное число в «Словѣ о полку Игоревѣ» // *Заметки к Слову о полку Игореве*. Београд, 1941
- К. – выписки Н. М. Карамзина из СПИ (по: СССПИ, 1: 15–25).
- Лексика – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2000.
- Лекции – *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- М. – выписки А. Ф. Малиновского из СПИ (по: СССПИ, 1: 15–25).
- Менгес ВЭ – *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Обнорский 1946 – *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.
- Обнорский 1960 – *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960.
- Обнорский – Бархударов – *Обнорский С. П., Бархударов С.Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.
- П. – Первое издание СПИ: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800.
- Псковская 2-я летопись – Псковские летописи. II. М., 1955.
- Расторгуев – *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.
- Слов. XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. I - ... М., 1975-....
- Смол. – Смоленские грамоты XIII-XIV веков. М., 1963.
- СПИ – Слово о полку Игореве.
- СПИВЛ – *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.
- Срезн. – *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893-1903.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965.
- СССПИ – Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965–1984.
- Строев. – Строевский список Псковской 3-й летописи // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- Успенский, Архаическая система – *Успенский Б.А.* Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974.